352
Колл

оиздательство
бодная Рѣчь".

Коллективистъ.

Сборникъ статей.

А. Рудинъ. О „максимализмѣ".
Ш. Горцевъ. Какъ можно осуществить равноправіе національностей.
В. Панкратовъ. Къ характеристикѣ современнаго парламентаризма.
М. Якобій. Блоки и соглашенія.
І. Брамовъ. Крестьянство и земство.
С. Нечетный. Спекуляція на чужихъ ранахъ.

320
8 ч
1

Москва. — 1907.

Книгоиздательство
„Свободная Рѣчь“.

32
8

Коллективистъ.

Сборникъ статей.

557.

Цѣна 20 коп.

А. Рудинъ. О „максимализмѣ“.
Ш. Горцевъ. Какъ можно осуществить равноправіе національностей.
В. Панкратовъ. Къ характеристикѣ современнаго парламентаризма.
М. Якобій. Блоки и соглашенія.
І. Брамовъ. Крестьянство и земство.
С. Нечетный. Спекуляція на чужихъ ранахъ.

Москва. — 1907.



557
37

МОСКВА.—1907.
Типо-литографія „Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла"
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

О „максимализмѣ“.

Читатель-единомышленникъ будетъ, пожалуй, недоумѣвать по поводу кавычекъ, въ которыя мы заключили максимализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же изъ насъ не максималистъ, не стремится къ maximum'у? кто не желаетъ завоевать какъ можно больше въ интересахъ труда,—сдѣлать все, что въ силахъ нашихъ, для торжества соціализма? Конечно, это такъ. Конечно, революціонный maximum является и долженъ быть для насъ критеріемъ и свѣточемъ на каждомъ шагу нашего пути; это даже само собою разумѣется, хотя мы и не называемъ себя максималистами. Но есть люди, подъ этой кличкой выступающіе,—о нихъ и будетъ рѣчь ниже. Есть люди, претендующіе на монополію максимализма, въ родѣ того, какъ русская соціальдемократія, напр., претендовала на роль *единственной* революціонной партіи (надѣюсь, нынѣшніе „меньшевики“ такихъ претензій больше не имѣютъ!), *истинной* представительницы рабочаго класса: максималисты въ кавычкахъ, въ свою очередь, считаютъ себя однихъ *истинными* соціалистами. Мы, не истинные, не намѣрены давать такой монополіи людямъ въ кавычкахъ, почему и награждаемъ кавычками... не максимализмъ, а—просто темпераментъ, подогрѣтый революціонной обстановкой.

Сначала нѣсколько словъ о генеалогіи этого теченія.

Два съ лишнимъ года назадъ, когда крестьянская масса фактами заявила о готовности своей выступить на борьбу за свои нужды, у насъ (въ Россіи) появилась группа такъ называемыхъ „аграрныхъ террори-

стовъ", пытавшаяся выступать отъ имени крестьянскаго союза п. с.-р., а также проводить кое-гдѣ на мѣстахъ свои резолюціи. Теоріи здѣсь было мало, по этой части оппозиціонеры, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, были довольно невинны; тутъ было больше настроенія, была стихія, и существенное, тактическое разногласіе сводилось именно къ тому, что эти оппозиціонеры стремились опростить, принизить тактику, уподобить стихійнымъ импульсивнымъ и рефлекторнымъ дѣйствіямъ, *вульгаризировать* ее. Они разсуждали такъ: борьба ведется и политическая, и экономическая,—и, значитъ, кто не проповѣдуетъ разрушительныхъ методовъ по отношенію къ буржуазному имуществу, тотъ не признаетъ экономической борьбы, умаляетъ ее, является чистымъ политикомъ. При этомъ прибавлялось, что и народъ самъ придерживается такой тактики, и нельзя, дескать, намъ отставать отъ него. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, такъ какъ главнымъ препятствіемъ для усвоенія партіей стихійной массовой тактики является интеллигенція,—въ одной комитетской резолюціи, которую случайно удалось провести оппозиціонерамъ (единственной въ Россіи, насколько мнѣ извѣстно), былъ помѣщенъ пунктъ противъ интеллигенціи, какъ элемента *постороннаго* (дословно этой резолюціи сейчасъ не помню).

Послѣ произведенной анкеты тактика новой группы была безповоротно и повсюду отвергнута,—именно потому, что она содѣйствовала бы поглощенію партіи, какъ сознательнаго коллектива, стихійностью, потому что она стремилась не поднять стихію до болѣе цѣлесообразныхъ и политически сознательныхъ методовъ борьбы, а низвести и закрѣпить борьбу на уровнѣ тѣхъ пріемовъ, до которыхъ уже додумалась масса (и за которые она естественнымъ образомъ хватается), содѣйствуя ихъ безудержному и безконтрольному распространенію, полному торжеству стихійнаго начала. Самая группа, однако, осталась, продолжая работать въ томъ же направленіи,—и я привелъ сейчасъ эту историческую справку не только для того, чтобы отмѣтить личную, персональную связь нынѣшняго „макси-

мализма“ съ упомянутой группой, но чтобы указать также на сходство этихъ двухъ явленій по существу, на принадлежность обоихъ къ одному и тому же *типу*.

Дальнѣйшая исторія въ общихъ чертахъ такова.

Мало-по-малу, по мѣрѣ роста освободительнаго движенія, со стороны вышеупомянутыхъ сторонниковъ аграрнаго и фабричнаго террора, а также лицъ, примкнувшихъ къ нимъ, стали раздаваться призывы къ захвату фабрикъ и заводовъ, по аналогіи—земля—крестьянамъ, фабрики—рабочимъ. Этому практическому лозунгу, появленіе котораго имѣло въ основѣ указанное уже преобладаніе стихійно-революціоннаго настроенія, аналогичное упрощеніе пріемовъ и приниженіе въ борьбѣ уровня сознательности,—этому лозунгу былъ приданъ характеръ программнаго отличія, и начался походъ противъ программы. Стали говорить о „соціализаціи фабрикъ и заводовъ“ на ряду съ соціализаціей земли; народился „максимализмъ“ [1]).

Трудно было, да и сейчасъ трудно, разобраться въ этомъ теченіи, поскольку адепты его пытаются теоретически обосновать свою позицію и переносятъ вопросъ на почву программы. Ясно было одно: крестьянамъ должна отойти земля, промышленнымъ рабочимъ—фабрики и заводы, нужно соціализировать вмѣстѣ съ землей всѣ орудія производства; какъ крестьяне землю, такъ рабочіе будутъ захватывать промышленныя предпріятія,—можно ли ихъ удерживать и плестись въ хвостѣ движенія? Это все та же *тактика*,—тактика повышеннаго настроенія въ ущербъ сознательности, апеллирующая прежде всего къ тому, что такъ дѣлаетъ или будетъ дѣлать масса. Но что именно означаетъ

---

[1]) Я не касаюсь здѣсь подробно, чтобы не загромождать статьи, состава группы „максималистовъ“, разнокалиберной и пестрой,—не говорю, напр., объ отношеніи ея къ заграничнымъ „устиновцамъ“ и къ такъ называемой „оппозиціи“, выросшей на почвѣ организаціонно-техническихъ разногласій и зарекомендовавшей себя упрощенно-экспропріаторскими пріемами. Но схожденіе „максималистовъ“ съ этой „оппозиціей“ весьма естественно и характерно: основа у послѣднихъ та же—перевѣсъ настроенія надъ сознательностью и упрощенная тактика, свойственная стихійнымъ элементамъ движенія.

этотъ „захватъ“, какъ надо понимать „соціализацію фабрикъ и заводовъ“, претендующую на мѣсто въ программѣ,—это было крайне неясно, туманно. Одни говорили одно, другіе—другое; въ разныхъ мѣстахъ толковали различно. Никакой литературы не имѣлось, кромѣ воззваній съ призывомъ къ захвату, и нельзя было ни на чемъ остановиться, не съ чѣмъ было оперировать.

Сейчасъ литература есть [1]). Но... и теперь—увы!—мы не въ лучшемъ положеніи. Эти нѣсколько брошюръ лишь сконцентрировали, какъ въ фокусѣ, ту разноголосицу и теоретическую путаницу, которая раньше была разсѣяна и почти неуловима. Теперь появились писанные документы, и есть на что ссылаться,—но суть дѣла отъ этого почти не измѣнилась. „Максималисты“ не въ состояніи опредѣлить себя, обосновать программно свои позиціи и способны вліять своими призывными кличами лишь на тѣ элементы, которые предпочитаютъ стихійно-революціонную экспансивность и импрессіонизмъ сознательно планомѣрной творческой партійной работѣ, которымъ лишь перваго рода дѣятельность по вкусу или по плечу.

Въ доказательство сказаннаго мы и сошлемся на ихъ литературу,—главнымъ образомъ на г. Е. Таг—ина, „теоретика“ этой группы.

* *
*

Основной трудъ г. Т.—довольно объемистая брошюра о „принципахъ трудовой теоріи“. Задача брошюры—удовлетворить потребности въ „синтетической конспективной, охватывающей систему воззрѣній трудовой теоріи работѣ“,—и эту задачу, нужно признать, авторъ выполнилъ далеко не удовлетворительно. Правда, она насъ, въ цѣломъ, и не интересуетъ сейчасъ; но дѣло въ томъ, что книжка г. Т. вообще неудобочитаема, и къ неясности понятій и построеній

---

[1]) Все существенное изъ максималистскаго ученія читатель найдетъ въ брошюрахъ Е. Таг—ина: „Принципы трудовой теоріи“ и „Отвѣтъ В. Чернову“ и въ сборничкѣ разныхъ авторовъ „Прямо къ цѣли“.

нужно прибавить крайне тяжеловѣсный и запутанный стиль. Конечно, *кое-что* тутъ можно объяснить, какъ и проситъ авторъ, спѣшностью работы и общими условіями, подъ гнетомъ которыхъ приходится писать. Но отъ этого не легче. И было бы правильнѣе (и гораздо выгоднѣе) подобныя работы не спѣшить предавать тисненію. Объ отдѣльныхъ словахъ, въ родѣ „доканываютъ“ (стр. 59) и т. п.,—я ужъ не говорю: ихъ понять все-таки можно. Но вотъ, для примѣра, два предложенія, въ которыхъ не такъ ужъ легко разобрать, гдѣ кончается спутанность мысли и вступаетъ въ свои права „максимально“ запутанный стиль: „Трудовой народъ, похоронивши эксплоататоровъ, знаетъ, что ему надо дѣлать, чтобы избавиться навсегда отъ этихъ господъ, хотя, конечно, кто можетъ знать (?), что разовьется въ соціалистическомъ строѣ“ (68); и еще о трудящихся: „забитые жизнью, не имѣя ни свободной минуты, у нихъ (?) невольно зарождается и живетъ надежда, что спасеніе ему (?) придетъ откуда-то, откуда, онъ самъ не знаетъ“ (95). Это не „длинноты“, какъ выражается самъ авторъ про свою работу—наоборотъ, вообще его изложеніе, изобилующее повтореніями и противорѣчіями, страдаетъ чрезмѣрной афористичностью, затрудняющей плавное чтеніе: это скорѣе—пороги, о которые окончательно разбивается мысль читателя. Сюда же нужно прибавить и такія характерныя *описки*, какъ „собственность рабочихъ“ вмѣсто „пользованіе“, описки, о которыхъ читатель можетъ узнать только изъ другой брошюры автора („Отвѣтъ“), если таковая попадется ему въ руки. Подобныя описки, конечно, психологически трудно допустимы: то мѣсто, гдѣ стоитъ эта „собственность“, слишкомъ отвѣтственно, чтобы не усмотрѣть въ такой опискѣ нѣкотораго безразличія, той же непродуманности, спутанности мысли. Но каково читателю?

Присмотримся, однако, поближе къ аргументаціи „максималистовъ“.

Чего они хотятъ, противопоставляя себя другимъ, *не истиннымъ* соціалистамъ? Соціальной революціи. Къ ней призываютъ они теперь же трудовой народъ, ее

считаютъ осуществимой сейчасъ, оспаривая въ особенности утвержденія соціальдемократовъ, по мнѣнію которыхъ нынѣшняя революція—буржуазная революція. „Настоящая политическая революція въ Россіи—говорятъ они—имѣетъ всѣ шансы для превращенія ея въ случаѣ полной побѣды надъ политическимъ строемъ въ соціальную“ [1]); „этимъ должнымъ (которое нужно теперь же осуществлять) съ нашей точки зрѣнія можетъ являться лишь соціальная революція, т.-е. захватъ не только власти и земель, но и орудій производства, захватъ всѣхъ средствъ эксплоатаціи въ руки трудового класса; по матеріальнымъ и инымъ условіямъ она уже и теперь осуществима...“ [2]) и т. д.

Конечно, считать, подобно соціальдемократамъ, нынѣшнюю русскую революцію буржуазной, и даже предустанавливать обязательность для нея быть чисто буржуазной—во всѣхъ смыслахъ неправильно; эта революція въ случаѣ побѣды трудового народа, дѣйствительно, имѣетъ всѣ шансы стать соціальной. Но необходимо условиться на счетъ понятія „соціальная революція“, которымъ, умышленно или неумышленно, играютъ „максималисты“. Вѣдь и французская революція конца позапрошлаго вѣка, завершившаяся полной побѣдой буржуазіи и закрѣпленіемъ ея позицій, была соціальнымъ переворотомъ; съ другой стороны, въ обыденной рѣчи, говоря о *соціальной* революціи, часто имѣютъ въ виду *соціалистическій* переворотъ. Такъ ли понимаютъ этотъ терминъ „максималисты“? Какъ будто, да. Г—нъ Т., напр., въ цитированномъ уже „Отвѣтѣ“, ссылается на статью „Задачи грядущаго“, гдѣ было сказано, что русская полная политическая революція по своему характеру—соціальная революція, полная побѣда политической есть побѣда соціальной, а дальше говоритъ: „передъ нами утвержденіе В. Чернова, что силъ для соціальной революціи въ ближайшемъ времени не можетъ быть, но ихъ хватитъ достаточно для завоеванія программы—minimum“ (36). Итакъ,

---

[1]) „Отвѣтъ“, 13.
[2]) „Принципы“, 75—6.

сначала соціальная революція какъ будто признавалась, а теперь нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что ни Черновъ и никто другой изъ соц.-революціонеровъ [1]) нигдѣ и никогда не отрицалъ (и не могъ отрицать) возможности въ Россіи въ ближайшемъ времени вообще соціальной революціи; а возраженія Ч. могли относиться только къ *соціалистическому* перевороту до перехода власти къ *соціалистическому* рабочему классу. И если г. Т. съ эгими возраженіями не согласенъ, то онъ, надо думать, отождествляетъ соціальную революцію съ соціалистической. За это говоритъ и вышеприведенная цитата, гдѣ поясняется, что соціальную революцію осуществитъ „захватъ всѣхъ орудій производства въ руки рабочаго класса", который, какъ сказано въ сборникѣ „Прямо къ цѣли",—„устроитъ все производство общественнымъ" (4). Въ этомъ же убѣждаетъ насъ и то, что, по мнѣнію г. Т., „соціалистомъ можетъ быть названъ лишь тотъ, кто убѣжденъ въ осуществимости теперь же соціализма" („Принципы", 94), что „борьба труда ведется вполнѣ осознанно" (87), причемъ „соціалистическое сознаніе сдѣлалось господствующимъ" (81), наконецъ, что рабочій классъ „смѣло заявитъ о своемъ правѣ на полный продуктъ своего труда" (72) и, въ случаѣ побѣды [2]), „смететъ весь лагерь эксплоататоровъ" (77).

Все это ясно указываетъ, что рѣчь идетъ о соціалистическомъ переворотѣ, который „максималисты" надѣются теперь же осуществить; къ тому же и право труженика на полный продуктъ труда, о которомъ только что упоминалось, можетъ обезпечить „лишь одинъ соціалистическій строй" (49). Съ такой концепціей можно не соглашаться, можно не раздѣлять наивной вѣры въ то, что въ рядахъ борцовъ противъ стараго строя уже теперь „господствуетъ соціалисти-

---

[1]) Въ частности покойный М. Р. Гоцъ, перу котораго, главнымъ образомъ, принадлежитъ совмѣстно составленная статья „Задачи грядущаго".

[2]) Здѣсь все время, конечно, предполагается побѣда трудового народа, и въ дальнѣйшемъ изложеніи нами имѣется въ виду именно этотъ исходъ.

ческое сознаніе", но тутъ по крайней мѣрѣ все понятно: эти люди ничему не научились, и отдаются они во власть одного лишь темперамента. Однако, этимъ дѣло не ограничивается. Потребителю максималистской литературы приходится еще считаться, помимо темперамента, съ невообразимой путаницей и противорѣчіями, которыми авторы-импрессіонисты осложняютъ вышеприведенную программную прямолинейность, стараясь занять какую-то среднюю позицію, не поддающуюся *программному* опредѣленію.

Едва читатель убѣдился, что истинные соціалисты (читай „максималисты") вѣрятъ въ осуществимость теперь же соціализма, какъ эти же самые истинные соціалисты начинаютъ дѣятельно разубѣждать его. Оказывается, что они „ни въ коемъ случаѣ не думаютъ однимъ наитіемъ революціоннаго вдохновенія осуществить соціалистическій строй и тѣмъ болѣе немедленно" [1]), а соціалистическое сознаніе (или психика), которое уже теперь „господствуетъ", можетъ развиться только „послѣ многихъ столѣтій воздѣйствія на людей равныхъ общественныхъ условій" [2]). И далѣе: „строй, который наступитъ послѣ диктатуры трудового народа, далекъ еще отъ идеала", но онъ „откроетъ путь къ дальнѣйшему развитію. И тѣ, которые вырастутъ при экономическомъ равенствѣ (и, какъ мы видѣли, „устроивъ все производство общественнымъ"), будутъ способны осуществить порядки, являющіеся для насъ, рабами рожденныхъ, — идеаломъ, мечтой" [3]). Что же это такое? И вѣрятъ, и не вѣрятъ; и экономическое равенство на основѣ общественно организованнаго производства, и многія столѣтія воздѣйствія! Это ужъ похоже на простой наборъ словъ, и нельзя не пожалѣть еще разъ, что гг. „максималисты" поспѣшили съ выпускомъ своихъ брошюръ. Они „не имѣютъ права хранить дольше свою завѣтную мысль отъ массъ" [4]); но

---

[1]) „Отвѣтъ", 14.
[2]) Ib., 33.
[3]) „Прямо къ цѣли", 5.
[4]) Ib., 3.

еще меньше права имѣютъ они вносить въ сознаніе трудового народа ту массу путаницы, какую порождаютъ ихъ, во всякомъ случаѣ, незрѣлыя, хотя бы и „завѣтныя мысли“. Однако, дѣло сдѣлано, клубокъ запутанъ—приходится его распутывать.

Изъ только что приведеннаго сопоставленія ясно, мнѣ кажется, что „максималисты“, дискредитируя въ глазахъ читателя свои собственныя положенія, путаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе соціалистическаго переворота—такъ же, какъ затутали понятіе соціальной революціи вообще. Соціалистическій строй несетъ съ собой, конечно, не только экономическое освобожденіе трудящихся, но и полное освобожденіе человѣческой индивидуальности, свободу и возможность каждому члену общества развивать всѣ свои способности и пріобщиться ко всѣмъ пріобрѣтеніямъ человѣческаго генія,—т.-е. духовное и нравственное обновленіе человѣчества. Таковъ нашъ цѣлостный соціалистическій идеалъ. Но полный переворотъ въ жизни людей и въ ихъ отношеніяхъ мы представляемъ себѣ не иначе, какъ на основѣ истинной свободы и равенства, при условіи нормальнаго труда, матеріальнаго обезпеченія человѣческой личности и избавленія ея отъ экономической конкуренціи, что достигается, въ свою очередь, планомѣрной организаціей общественнаго хозяйства, производства и распредѣленія продуктовъ. И когда мы говоримъ о программѣ соціалистическаго переворота, мы именно послѣднее и имѣемъ въ виду; тѣхъ же результатовъ и отдаленныхъ послѣдствій, которые принесетъ съ собою это полное освобожденіе личности отъ политическаго и экономическаго гнета, не можетъ учесть никакая программа: имъ нѣтъ предѣловъ, и они не поддаются конкретному опредѣленію. Поэтому, когда „максималисты“ говорятъ объ „экономическомъ равенствѣ“ и „устройствѣ общественнаго производства“, то съ этими понятіями неизбѣжно связывается представленіе о соціалистическомъ строѣ, программа соціалистическаго переворота; а разговоры ихъ о „многихъ столѣтіяхъ воздѣйствія“ на экономически равныхъ индивидуумовъ для выработки идеальнаго общежитія—

все это выходитъ за предѣлы программы и не можетъ быть предметомъ программнаго обсужденія.

Но этимъ путаница не исчерпывается, дальше еще хуже — дальше съ соціализмомъ происходятъ самыя удивительныя превращенія, въ результатѣ которыхъ читателю преподносится, какъ должное, какъ maximum, что-то ублюдочное, претенціозное и, опять-таки, не поддающееся программной формулировкѣ.

Укажу для примѣра, что „соціализмъ мыслимъ... не только какъ общественная организація хозяйства", но и „какъ артельное хозяйство" (51) [1] — какъ будто не организованное общественно хозяйство имѣетъ отношеніе къ соціализму, а отдѣльная артель не носитъ опредѣленнаго названія—кооперація. Соціализмъ далѣе при извѣстныхъ условіяхъ осуществляется „въ небольшихъ размѣрахъ (по кусочкамъ?) въ „большихъ дворахъ", т.-е. въ дворахъ, соединенныхъ кровными связями и жившихъ въ одномъ общемъ хозяйствѣ или въ общемъ пользованіи угодьями" (52),—соціализмъ, такъ сказать, семейный; его можно также завести и „въ одной коммунѣ... если у коммуны достаточно силъ для противодѣйствія, чтобы отстоять себя" (85). Дробя соціализмъ такимъ образомъ по кусочкамъ, авторъ, съ другой стороны, смѣшиваетъ его съ коммунизмомъ: „не коллективизмъ, а коммунизмъ,—говоритъ онъ,— т.-е. не только общественно организованное производство, но и обмѣнъ и потребленіе, распредѣленіе должны составлять основную функцію этого (соціалистическаго) строя" (49). Сказать, что коммунизмъ составляетъ основную функцію соціалистическаго строя — это не только безграмотное, но и вздорное утвержденіе, потому что соціализмъ совсѣмъ не предполагаетъ общественной регламентаціи потребленія и общаго владѣнія предметами, служащими для личнаго употребленія. Наконецъ, наряду съ такими упрощенными и неправильными толкованіями, авторъ, отнюдь не робѣя, заявляетъ, что „не только основные, но и прямые не-

---

[1] Страницы безъ обозначенія источника относятся къ книжкѣ „Принципы трудовой теоріи".

посредственные интересы у земледѣльца Россіи также какъ въ Индіи, какъ во всякой другой странѣ, какъ въ данный моментъ, такъ и въ будущемъ (а въ прошломъ?)... толкаютъ его на борьбу за соціализмъ“ (57). Понятно, если земледѣлецъ всякой страны и во всякій моментъ борется за соціализмъ, то какъ же не сказать, что въ настоящій моментъ въ революціонной Россіи „господствуетъ“ соціалистическое сознаніе!

Бѣда только въ томъ, что автору-импрессіонисту очень трудно вѣрить — онъ не отвѣтственъ за свои изреченія. Оказывается, что господствуетъ-то совсѣмъ не соціалистическая психика (она явится послѣ многихъ столѣтій и пр.), а „трудовая психика, которая нужна для организаціи трудового строя“ [1]), но не соціалистическаго. За этотъ строй, надо думать, и индійскій крестьянинъ борется, этотъ строй и является *должнымъ*, maximum'омъ. Называется онъ *трудовой республикой*, которую авторы „максималисты“, убѣжденные въ осуществимости теперь же соціализма, экономическаго равенства и общественнаго производства, отличаютъ отъ соціалистической республики. Трудовая республика съ общественной организаціей производства установится немедленно, благодаря наличности трудовой психики, которая „предполагаетъ психику индивидуалиста“ [2]), и при помощи „наитія революціоннаго вдохновенія“ (не въ примѣръ соціалистической), при чемъ „воля однихъ заражаетъ массы воль другихъ, гипнотизируетъ, подчиняетъ“ (74); не малую услугу осуществленію трудовой республики, помимо гипноза, окажутъ случайныя „2—3 побѣды, переходъ полка“... (78), а также „неожиданныя для насъ силы“, развивающіяся въ движеніи (76),—въ родѣ lumpen-proletariat'a или босяковъ, „физически, а главнымъ образомъ морально неспособныхъ къ труду, презирающихъ трудъ... паразитовъ“, которые „насквозь пропитаны буржуазнымъ духомъ“ и „предпочтутъ грабежъ въ революціи“, но которыхъ „при извѣстной подготовкѣ (путемъ того же

---

[1]) „Отвѣтъ“, 33.
[2]) Ibid.

гипноза?—для другого, вѣдь, времени не будетъ) можно склонить на свою сторону“ (60), побудить къ устройству трудовой, презираемой ими республики, — или крестьянъ, которые „хотятъ земли, но чтобы они ясно понимали соціализацію земли... про большинство крестьянъ, не увлекаясь, нельзя сказать“ [1]: они такъ отстали отъ индійцевъ, что ихъ тоже, повидимому, придется подвергать гипнозу...

Я. не исчерпалъ, конечно, всего многообразія этой хаотичной и противорѣчивой аргументаціи, да и не претендую на подобную работу, предоставляя читателю ознакомиться въ подлинникѣ со сводомъ максималистскихъ афоризмовъ, прихотливо разбросанныхъ на протяженіи трехъ упомянутыхъ брошюръ. Но изъ сказаннаго, мнѣ кажется, можно и должно сдѣлать теперь же слѣдующіе выводы.

Во-первыхъ, утвержденія г. Т.: что трудовая, индивидуалистическая психика, требующая „отдать *мнѣ мой* трудъ“, „предполагаетъ признаніе такого же права за *всѣми тружениками*“, которое „можетъ воплотиться *только* въ соціализмѣ, т.-е. въ рамкахъ планомѣрно организованнаго труда, въ рамкахъ общественнаго хозяйства“; что такая трудовая психика „присуща всѣмъ, кто живетъ за счетъ *своего* труда“ и что эти трудовые элементы, въ торжество которыхъ вѣрятъ „максималисты“, смотрятъ на соціализмъ, какъ на „средство“ и, стало быть, будутъ вводить теперь же планомѣрное общественное хозяйство, т.-е. соціалистическіе порядки, объ осуществленіи которыхъ сейчасъ „ни въ коемъ случаѣ не думаютъ максималисты“ (хотя и „не откладываютъ“!) [2], предлагающіе взамѣнъ какую-то трудовую республику,—всѣ эти разсужденія очень мало вразумительны. Все это, повторяемъ, наборъ словъ, изъ котораго неясно,—что же все-таки представляетъ собой пресловутая „соціализація фабрикъ и заводовъ“? есть ли это программа соціалистическаго переворота, или нѣтъ? Если да, то не къ чему было

---

[1]) „Прямо къ цѣли“, 14.
[2]) Стр. 33 и 14 „Отвѣта“.

огородъ городить и сбивать съ толку читателя. Эту программу, какъ программу соціалистическаго творчества, признаемъ и мы, не истинные; это, дѣйствительно, программа-maximum. Но что значитъ „не откладывать осуществленія соціализма“ (ib.)? и что это за всемогущіе „мы“ и „вы“, которые будутъ не откладывать или откладывать? Если соціалистическое сознаніе въ достаточной мѣрѣ проникло въ трудовыя массы, тогда, но только тогда, и могутъ быть заведены соціалистическіе порядки—будь то хоть въ самомъ ближайшемъ будущемъ: тогда и „мы“, смѣю увѣрить, будемъ проводить въ жизнь программу соціалистическаго переустройства (т. наз. maximum), потому что мы ничего *не откладываемъ*, не хотимъ откладывать, да и не можемъ отложить. И „максималистамъ“ достаточно было бы заявить, что они вѣрятъ въ „господство“ уже теперь соціалистическаго сознанія, а потому считаютъ возможнымъ ограничиться программой соц. переворота, *максимумомъ*. Тогда, по крайней мѣрѣ, читатель ясно понималъ бы, съ чѣмъ имѣетъ дѣло. Но они желаютъ „не откладывать“ и вводить соціализмъ „до этой (соціалистической) психики“ — и отсюда весь этотъ хаосъ, приводящій въ уныніе читателя, подвергающій здравый смыслъ его великому искусу. Вводить соціализмъ безъ соціалистовъ — это, конечно, абсурдъ, это вульгаризація соціализма.

Во-вторыхъ, несмотря на туманную терминологію, несмотря на одновременное „господство“ въ брошюрахъ г. Т. и трудовой и соціалистической психики и на призывы къ планомѣрной организаціи общественнаго хозяйства, которая одинаково характеризуетъ и трудовой и соціалистическій строй,—мы все-таки въ правѣ заключить, что „максималисты“ имѣютъ въ виду и хотятъ выставить не программу соціалистическаго переворота, а что-то другое, меньшее, не нашъ maximum. Вѣдь не настолько же они наивны въ самомъ дѣлѣ, чтобы вѣрить въ возможность обобществленія теперь же хотя бы с.-хоз. производства, и не путаницы только ради пустили они въ оборотъ новый терминъ „трудовая республика“! Въ этомъ убѣждаетъ насъ и

то, что г. Т. приглашаетъ добиваться „*по крайней мѣрѣ*“ трудовой республики (93), а также конкретное содержаніе, которое онъ пытается вложить въ это понятіе. „По крайней мѣрѣ“ — это значитъ *не все должное*, значитъ, есть что-то больше этого, есть maximum (прогр. соц. переворота), котораго „максималисты“ не рѣшаются требовать,—ибо нельзя же сказать: по крайней мѣрѣ соц. переворота! Отсюда слѣдуетъ, что они не выставлютъ нашу максимальную программу и облыжно (даже съ своей точки зрѣнія) величаютъ себя истинными соціалистами, идущими прямо къ цѣли: цѣлью для соціалиста является соціалистическій переворотъ, они же идутъ *не прямо* къ нему, а останавливаются по дорогѣ на чемъ-то промежуточномъ. „По крайней мѣрѣ“—это именно то, что называется минимумомъ; этими словами человѣкъ указываетъ, что на меньшее онъ не согласенъ, это—minimum, а насчетъ большаго можно поторговаться, еще что-нибудь накинуть, смотря по обстоятельствамъ. Отсюда слѣдуетъ, что свою программу-minimum „максималисты“ пытаются соорудить на принципѣ *противоположномъ* нашему, — на томъ принципѣ, класть который въ основу построенія *программы* мы считаемъ недопустимымъ и противъ котораго такъ некстати ополчается г. Т., что-то строющій и разрушающій въ одно время, какъ и подобаетъ жертвѣ приподнятаго и ничѣмъ не сдерживаемаго настроенія.

Въ нашей программѣ нѣтъ minimum'а въ настоящемъ, ходячемъ смыслѣ слова. Если этотъ терминъ у насъ сохранялся и сохраняется еще (какъ болѣе удобный и распространенный), то вмѣстѣ съ тѣмъ всегда подчеркивалось, что содержаніе, въ него вкладываемое, *максимально*,—и объ этомъ нельзя же забывать. Быть можетъ, наша программа-minimum не совсѣмъ удовлетворительна и нуждается въ какихъ-либо измѣненіяхъ,—объ этомъ можно спорить. Но она содержитъ и должна содержать maximum требованій для періода до соціалистическаго,—другими словами, ту наибольшую сумму конкретно опредѣлимыхъ общихъ мѣропріятій, которыя партія считаетъ желательными за-

воевать въ интересахъ соціализма и которыя она разсматриваетъ, какъ необходимую ступень для перехода къ соціализму, независимо отъ того, насколько они осуществимы теперь же, независимо также и отъ того, когда окажется возможнымъ, по достиженіи этихъ требованій, приступить къ осуществленію программы соціалистическаго переворота — въ ближайшемъ или болѣе отдаленномъ будущемъ. Это ни въ коемъ случаѣ не оппортунистская программа *уступокъ*, а революціонная программа *завоеваній*. Она построена совсѣмъ не на учетѣ ближайшихъ возможностей, въ зависимости отъ той или иной численности ея приверженцевъ, а на анализѣ объективно допустимыхъ и программно опредѣлимыхъ преобразованій въ рамкахъ до соціалистическаго строя.

Очевидно, этого не понимаетъ г. Т., праздно толкующій о томъ, какъ бы не пришлось въ этомъ случаѣ „неопредѣленно долгое время держать красныя знамена за пазухой, посмѣнно выкидывая вслѣдъ за ростомъ партіи“ разныя другія, и сомнѣвающійся, вмѣстѣ съ соціальдемократами, въ томъ, что, „буржуазія согласится на осуществленіе нашихъ требованій“ (93). Ни о какой задержкѣ революціоннаго размаха, ни о какомъ согласіи буржуазіи на уступки тутъ не можетъ быть и рѣчи; а что станется съ нынѣшней буржуазіей и насколько пострадаютъ ея интересы — это, не въ примѣръ соціальдемократіи, насъ очень мало интересуетъ. Но г. Т. не только этого не понимаетъ. Онъ не видитъ также, что если къ чему и приложимы его слова о выкидываніи знаменъ и практическихъ лозунговъ въ зависимости отъ обстоятельствъ, такъ скорѣе всего къ собственному его требованію „по крайней мѣрѣ“ трудовой республики, какъ maximum'а, на смѣну которой у автора „за пазухой“ имѣется, очевидно, еще кое-что. Это своего рода „минималистъ“, принципіальный минималистъ, составляющій прожекты переходныхъ мѣропріятій, требующій сегодня „по крайней мѣрѣ“ одного, а завтра—другого, большаго. Въ этомъ убѣждаетъ насъ также и неопредѣленное, расплывчатое и неумѣстное въ программѣ

опредѣленіе сущности трудовой республики. „Самымъ цѣлесообразнымъ—говоритъ онъ—и практически наиболѣе осуществимымъ мнѣ въ данную минуту представляется передача всѣхъ немелкихъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ—свыше, напримѣръ, 5 человѣкъ—во временное распоряженіе рабочихъ, работающихъ на нихъ“ [1]). На такихъ устояхъ, какъ „наиболѣе осуществимое“, „въ данную минуту“, „свыше, напр., 5 человѣкъ“,—программу строить, повторяю, мы не должны. Программа не можетъ считаться съ *данной минутой*. И почему для трудовой республики выбраны эти 5 человѣкъ, а не 4 и не 6? Вѣдь другой „максималистъ“ въ другую минуту, и даже въ данную, свободно можетъ выставить „по крайней мѣрѣ“ цифру 4, а третій—любую другую? Конечно, можно сказать, что такая детализація, какъ цифра рабочихъ въ экспропріируемыхъ предпріятіяхъ, относится скорѣе къ комментаріямъ, чѣмъ къ самой программѣ. Но тогда, при опущеніи подобныхъ деталей и противорѣчій, едва ли возможно уловить разницу между программой, выставляющей трудовую республику, и программой соціалистическаго переворота, который также предполагаетъ нѣкоторую послѣдовательность. Сказать же, что „въ данную минуту наиболѣе осуществима“ эта послѣдняя, нелѣпо.

* * *

Итакъ, требованіе соціализаціи фабрикъ и заводовъ, которое противопоставляютъ намъ „максималисты“ и которымъ они замѣняютъ, какъ говоритъ г. Т., рабочую часть нашей программы минимума, желая создать такимъ образомъ какую-то промежуточную программу—это требованіе мы признаемъ лишь въ программѣ максимума, въ программѣ соціалистическаго переворота. Только приступая къ соціалистическому переустройству можемъ мы рекомендовать соціализацію фабрикъ и заводовъ, потому что эта соціализація, какъ общая мѣра, необходимо предполагаетъ соціали-

---

[1]) „Отвѣтъ“, 44—45.

зацію производства и распредѣленія продуктовъ, осуществлять и осуществить которую могутъ лишь соціалистическія трудовыя массы. Для этого недостаточно, какъ то думаетъ г. Т., чтобы трудовой народъ побѣдилъ буржуазію. Дѣло не въ томъ, что буржуазія все равно, дескать, *не согласится* на нашу программу минимума, ее придется побѣждать, а побѣдивъ, почему не взять побольше; дѣло не въ томъ, согласится или нѣтъ она, а въ томъ, что самъ побѣдитель этого не сможетъ, если не будетъ готовъ, если не окажется на лицо субъективныхъ и объективныхъ данныхъ для проведенія въ жизнь этого преобразованія. И вотъ почему, конечно, пунктъ о соціализаціи фабрикъ не можетъ быть включенъ въ программу минимума—въ ту программу, которая содержитъ, какъ уже было сказано, maximum объективно допустимыхъ мѣропріятій для періода *до соціалистическаго*.

Интересно отмѣтить, что г. Т., на примѣрѣ рабочей части нашей программы, очень правильно отмѣчаетъ именно этотъ характеръ ея. „Рабочая программа—minimum соц.-революціонеровъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ цѣлью осуществить систему мѣръ, въ результатѣ которыхъ была бы передача фабрикъ и заводовъ въ руки трудящихся“, и затѣмъ, перечисливъ наши требованія, прибавляетъ: „эти и другія демократическія реформы въ области рабочаго законодательства представляютъ изъ себя самое узурпаторское вмѣшательство въ область производства, его урегулированія, контроля и, что всего важнѣе, непосредственнаго управленія и пользованія капиталомъ“ (90). Да, *въ результатѣ* этихъ мѣропріятій будетъ передача фабрикъ и заводовъ въ руки трудящихся—точнѣе, обобществленіе средствъ производства. Да, наши требованія представляютъ самое узурпаторское вмѣшательство и проч., такъ какъ имѣютъ въ виду подготовить рабочій классъ къ соціалистическому перевороту, обезпечить ему наиболѣе благопріятную обстановку для выработки соціалистической психики. Словомъ—это осуществимый въ досоціалистическомъ строѣ maximum, который, конечно, нужно разсматривать въ тѣсной связи со всѣми

другими требованіями программы. Соображенія же г. Т., что „на эти реформы буржуазія можетъ согласиться лишь за часъ до своего паденія, а поэтому едва ли имѣетъ смыслъ и выставлять ихъ“, эти соображенія именно не имѣютъ никакого смысла. Можетъ быть „за часъ“, можетъ быть—за два, а можетъ и больше времени пройдетъ,—это совершенно безразлично. И при чемъ тутъ опять-таки буржуазія, именемъ которой, вслѣдъ за соціальдемократами, столь часто злоупотребляетъ г. Т.? при чемъ, наконецъ, ея согласіе? Буржуазный строй—понятіе слишкомъ растяжимое, буржуазное „господство“ можетъ проявляться въ разной степени и быть урѣзаннымъ весьма существенно. Во всякомъ случаѣ, наша программа не должна считаться съ тѣмъ, когда именно произойдетъ „паденіе“ буржуазіи: если скоро—тѣмъ лучше.

Но, опредѣливъ правильно характеръ этой части нашей программы, г. Т. пытается далѣе найти противорѣчіе между ней и другими частями, между аграрной и рабочей программой: первая, будто бы *максимальна*, а вторая „лишь ограничиваетъ размѣръ эксплоатаціи тѣмъ или инымъ способомъ“ (92). Это невѣрно. Аграрная программа такъ же максимальна, какъ и рабочая: и та, и другая не уничтожатъ эксплоатаціи и не предполагаютъ установленія экономическаго равенства. Я сказалъ, и та, и другая,—правильнѣе выразиться: обѣ онѣ вмѣстѣ взятыя, вся программа цѣликомъ; на этомъ ходячемъ *противопоставленіи* отдѣльныхъ частей одной и той же программы необходимо нѣсколько остановиться и подчеркнуть внутреннее единство программы, о которомъ часто склонны забывать въ виду чисто условнаго и формальнаго раздѣленія ея на тѣ или другіе отдѣлы. Но посмотримъ предварительно, какъ понимаетъ г. Т. наши требованія въ области аграрныхъ отношеній.

„Соціализація земли—говоритъ онъ—это прежде всего увеличеніе существующаго общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, это изъятіе земельной ренты изъ рукъ трудового класса въ общенародную собственность, т.-е. уничтоженіе одной изъ самыхъ вредныхъ моно-

полій—монополіи на землю, связанное съ исчезновеніемъ одного изъ могущественныхъ оплотовъ современнаго строя—группы аграріевъ класса эксплоататоровъ". И дальше: „соціализація земель есть безвозмездное изъятіе всѣхъ земель на пространствѣ всей Россіи изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій и передача ихъ въ руки равноправныхъ обществъ и товариществъ и т. д." [1]).

Казалось бы, хоть въ этомъ случаѣ, формулируя программныя требованія, можно было бы быть точнымъ, не противорѣчивымъ и пощадить читателя. Но г. Т., какъ и всегда, неумолимъ. Онъ не понимаетъ, что увеличеніе крестьянскаго *землевладѣнія* не есть уничтоженіе монополіи, а обращеніе ренты въ общенародную собственность противорѣчитъ сохраненію института землевладѣнія, какъ частнаго, такъ и группового—будь то нынѣшніе аграріи изъ класса эксплоататоровъ или крестьяне землевладѣльцы. Но если и предположить, что у г. Т. съ „землевладѣніемъ" также прикључилась „описка" [2]), суть дѣла отъ этого не мѣняется, такъ какъ расширеніе существующаго общиннаго крестьянскаго *землепользованія*, на первомъ планѣ и безъ дальнѣйшихъ существенныхъ оговорокъ, тоже предполагаетъ сохраненіе монополіи на землю за нынѣшними земледѣльцами, непремѣнно при томъ крестьянами и общинниками: остальные труженики г. Т. игнорируются. Что означаетъ, затѣмъ, фраза: „изъятіе земельной ренты изъ рукъ трудового класса и т. д... связанное съ исчезновеніемъ группы аграріевъ класса эксплоататоровъ"—трудно понять: у однихъ изымаютъ, а другіе—исчезаютъ; надо думать во всякомъ случаѣ, что „прежде всего" авторъ предполагаетъ изымать у тѣхъ, кто долженъ исчезнуть. Не менѣе туманно „изъятіе всѣхъ земель на пространствѣ всей Россіи изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій и передача ихъ въ руки равноправныхъ обществъ и

---

[1]) Стр. 102—103.

[2]) Врядъ ли, впрочемъ, описка; на стр. 123 ясно говорится объ „общинной собственности на землю".

товариществъ". Что-то передается „изъ рукъ въ руки", а что именно и кому - объ этомъ каждый воленъ соображать по своему. Вѣдь, отдѣльныя лица и владѣютъ землей на правахъ собственниковъ, и распоряжаются ею, и пользуются какъ объектомъ приложенія своего труда: будутъ ли они лишены *всѣхъ* правъ, и будутъ ли надѣлены всѣми этими правами „товарищества"? Въ частности, какъ обстоитъ дѣло съ групповой собственностью на землю и съ объявленіемъ земли общенароднымъ достояніемъ? Далѣе, означаютъ ли упомянутыя „товарищества" то же, что и демократически организованныя общины, или здѣсь говорится о группахъ профессіональныхъ, о союзахъ земледѣльцевъ; а въ послѣднемъ случаѣ, имѣются ли на пространствѣ всей Россіи такія товарищества (на манеръ нынѣшнихъ земельныхъ общинъ, объ увеличеніи землевладѣнія которыхъ „прежде всего" хлопочетъ г. Т.), или „максималисты" будутъ насильно ихъ пасаждать?

Но это еще не все. О соціализаціи земли г. Т. говоритъ и въ другихъ мѣстахъ—и еще болѣе туманно и противорѣчиво. „Соціализація земли - говорится на стр. 121—одна сама по себѣ не дастъ еще рая; съ уничтоженіемъ частной собственноети на землю, если она не вызоветъ соціальной революціи (какъ будто не соціальная революція этотъ аграрный переворотъ! А. Р.), можетъ остаться капиталъ торговый и производительный, отчасти другія формы эксплоатаціи..." Насчетъ рая и остатковъ эксплоатаціи—это вѣрно, и потому, конечно, „обобществленіе земель вполнѣ осуществимо въ предѣлахъ буржуазнаго строя"; съ этимъ въ полномъ согласіи находится и примѣчаніе къ главѣ „соціализація земель",—написанной „въ предположеніи, что послѣ соціализаціи земель частная собственность на капиталъ отчасти сохранится" (102). Но вотъ другія страницы (81—82), гдѣ авторъ, подтверждая, что „общественная собственность на землю можетъ вполнѣ мириться съ буржуазнымъ строемъ производства и совмѣстима съ нимъ", подноситъ читателю другое примѣчаніе: „мы говоримъ здѣсь только объ обобществленіи земельной собственности, но *не* объ соціализаціи земель; послѣд-

няя преграждаетъ доступъ производственному капиталу въ область сельскаго хозяйства... и слѣд. она (соціализація земель предполагаетъ уравнительное начало въ пользованіи и организацію общественнаго производства снизу) противорѣчитъ основному принципу буржуазнаго строя, и *несовмѣстима* съ нимъ". Вотъ ужъ, поистинѣ, чего захочешь — то и найдешь! Г-нъ Т. удивительно напоминаетъ своими писаніями русскихъ соціальдемократовъ, у которыхъ въ аграрномъ вопросѣ утвержденіе до наивности просто и легко переходитъ въ свою противоположность, въ отрицаніе: такъ и у него—на одной страницѣ онъ считаетъ соціализацію земли совмѣстимой съ остатками буржуазнаго господства и въ этомъ предположеніи пишетъ о ней цѣлую главу, а въ другомъ мѣстѣ соціализація противорѣчитъ и несовмѣстима. Мало того, во второмъ случаѣ, оказывается, соціализація земли предполагаетъ „и организацію общественнаго производства снизу". *Такая* соціализація (уравнительное землепользованіе + организація обществен. производства), конечно, „несовмѣстима". Но, быть можетъ, и это... описка? Авторъ, по обыкновенію, напуталъ, но виноватымъ оказывается злополучный, не понимающій читатель: онъ или безграмотенъ, или „недобросовѣстенъ"[1]).

Во всякомъ случаѣ, соціализація безъ „организаціи" сама себѣ противорѣчитъ на разныхъ страницахъ, какъ видно изъ приведеннаго сопоставленія; а противъ соціализаціи съ „организаціей" г. Т. энергично протестуетъ, утверждая, что „соціализація земель превратится (? ни во что она не *превратится*. А. Р.) *современемъ*... въ соціализацію обработки, т.-е. въ соціализацію производства. Думаю— прибавляетъ онъ—и полуграмотный читатель не можетъ изъ этого мѣста вывести представленія о смѣшеніи двухъ понятій: соціализаціи земли съ соціализаціей производства"[2]). Изъ этого мѣста—нѣтъ; но у г. Т. много разныхъ мѣстъ. У него, значитъ, много „описокъ", которыя влекутъ за собой

---

[1]) „Отвѣтъ", 23.
[2]) Ib.

другія описки, и въ результатѣ вся работа превращается въ какой-то сплошной lapsus. Такъ, въ отвѣтъ на указаніе тов. Чернова, что „максималисты“ смѣшиваютъ соціализацію земли съ соціализ. сельск.-хоз. производства, г. Т. почтилъ его эпитетомъ „просто *недобросовѣстнаго*“; ночерезъ нѣсколько страницъ, оспаривая мнѣніе того же критика, что соціализ. фабрикъ и заводовъ и связанная съ этой мѣрой организація производства предполагаютъ такую статистику производства и потребленія, о которой мы не въ состояніи даже и думать [1]),—г. Т. преспокойно аргументируетъ тѣмъ, что „эта статистика требуется и при организаціи 13 мил. крестьянскихъ хозяйствъ въ общественное хозяйство“ (Отвѣтъ“, 31). Конечно, требуется, если хотятъ организовать крестьянское хозяйство въ общественное. Но вѣдь вамъ, г. Т., говорятъ сейчасъ о соціализаціи земли, при которой не требуется того, что обязательно для соціализаціи фабрикъ и заводовъ; по нашему опредѣленію соціализація земли *не* предполагаетъ организаціи общественнаго хозяйства, а у васъ... опять „описка“? т.-е. описки, опроверженія, описки къ опискамъ, выдача свидѣтельствъ о грамотности и т. д., въ родѣ сказочки про бѣлаго бычка или „трудовую республику“? Такого недобросовѣстно-небрежнаго отношенія къ читателю и такого легкаго, неуважительнаго отношенія къ печатному слову, даже своему собственному—намъ еще не приходилось, кажется, встрѣчать...

Вернемся теперь къ аграрной программѣ въ связи съ вышеотмѣченнымъ противоположеніемъ другъ другу отдѣльныхъ звеньевъ цѣлостной программы. Соціализація земли, очищенная отъ „максималистскихъ“ примѣсей, *не* есть „прежде всего“ (какъ думаетъ г. Т.) „увеличеніе существующаго общиннаго крестьянскаго землевладѣнія“, т.-е. землепользованія. Послѣднее является лишь частью болѣе общаго мѣропріятія, которая сама

---

[1]) Кстати, это мнѣніе передано г. Т. невѣрно. Въ № 5 „Мысли“, откудо оно взято, сказано такъ: „предполагаетъ, напр., хотя бы такую статистику потребленія, о которой мы *сейчасъ* лишь съ трудомъ *можемъ* составить себѣ полное представленіе“.

собою разумѣется и необходимо будетъ осуществлена. Но *суть* реформы, та цѣль, которую она „прежде всего“ имѣетъ въ виду, заключается не въ этомъ „увеличеніи“, а въ томъ, чтобы обезпечить *всякому* труженику возможность пользоваться землей. И поэтому въ требованіи соціализаціи земли заинтересованы всѣ разновидности эксплоатируемаго рабочаго класса. Возможность опереться на землю (даже не пользуясь ею непосредственно) даетъ имъ всѣмъ въ руки могучее орудіе въ ихъ борьбѣ за полное уничтоженіе всякой эксплоатаціи и, прежде всего, за такія условія существованія и труда, какія наиболѣе благопріятствуютъ развитію и росту соціалистическаго сознанія. Сельскіе и городскіе труженики одинаково выиграютъ отъ этой реформы земельныхъ отношеній, и не только нельзя сказать, что соціализація земли не касается городскихъ рабочихъ, но еще большой вопросъ, кому она сослужитъ бо̀льшую службу—трудовому земледѣльцу или промышленному рабочему, который получитъ такую реальную опору для своихъ требованій. Вотъ почему нельзя отдѣлять и отдѣльно оцѣнивать рабочую и аграрную программы, почему неправильно, раскалывая единый рабочій классъ, говорить: крестьянамъ—земля, рабочимъ, скажемъ—8 час. рабоч. день или, по „максималистски“—фабрики и заводы: крестьяне заинтересованы въ томъ-то, а рабочіе—въ другомъ. Между прочимъ, г. Т. утверждаетъ, что „разъ крестьяне захватятъ землю и волю, то тѣмъ самымъ они избавятся отъ самыхъ главныхъ орудій *ихъ* эксплоатаціи“ (92). Я оставлю въ сторонѣ выраженіе „захватятъ землю“, какъ неудачное, и замѣню его соціализаціей земли, которую, очевидно, имѣлъ въ виду авторъ; но самое подчеркиваніе „*ихъ* эксплоатаціи“—неправильно, оно какъ разъ и указываетъ на это отмежевыванье одной категоріи тружениковъ отъ другой, на непониманіе одинаковой важности аграрнаго переворота для всего рабочаго класса въ цѣломъ. Тогда будутъ уничтожены главные источники эксплоатаціи не только крестьянъ, но и городскихъ рабочихъ, такъ какъ для послѣднихъ частная собственность и отсутствіе возможности опереться

на землю является такимъ же препятствіемъ къ спосному существованію, какъ и для первыхъ, и жизненный уровень тѣхъ и другихъ находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи. И городскіе рабочіе должны отстаивать соціализацію земли *наравнѣ* съ трудовымъ крестьянствомъ, чтобы избавить и *себя* въ такой же мѣрѣ отъ эксплоатаціи,—отстаивать ее, какъ базу для проведенія въ жизнь „рабочихъ" требованій программы, такъ какъ трудно представить себѣ, чтобы можно было осуществить, какъ болѣе или менѣе постоянную норму, не только этотъ нашъ maximum требованій, но даже и рекомендуемыя соціальдемократами мѣры, безъ коренного аграрнаго переворота въ духѣ нашей программы. Такова интимная связь между городскими и сельскими тружениками и между отдѣльными частями единой программы.

Я объ этомъ не распространяюсь здѣсь подробнѣе, а лишь считаю необходимымъ еще разъ подчеркнуть и выдвинуть эту основную особенность нашихъ взглядовъ и, отсюда, нашей программы. Русскіе соціальдемократы не признаютъ этого тождества интересовъ и не могутъ связать воедино городскихъ рабочихъ съ трудовымъ крестьянствомъ, подобное искаженіе „истинно пролетарской точки зрѣнія" имъ строго-на-строго заказано ихъ догмой, съ упраздненіемъ которой (и по мѣрѣ этого упраздненія) теряетъ всякій raison d'être и русская соціальдемократія; и у нихъ, естественно, согласованіе аграрной и рабочей программъ носитъ скорѣе симптоматическій, а не органическій характеръ. Но какъ могутъ „максималисты", объединяющіе въ одинъ рабочій классъ трудовое крестьянство и городской пролетаріатъ, не дѣлать отсюда соотвѣтственныхъ выводовъ, какъ могутъ, напр., они говорить, что „крестьянской бѣднотѣ необходимо объединиться за землю, пролетаріату—за право на трудъ и на человѣческую жизнь" [1]),—это непонятно. Нѣтъ,—и тѣ, и другіе равно должны объединиться „за землю, за право на трудъ и на человѣческую жизнь", лучше сказать, за

[1]) „Прямо къ цѣли", 2.

всѣ требованія, которыя выставляются въ интересахъ соціализма; и признаніе тѣхъ и другихъ одинаково членами единаго рабочаго класса вовсе не въ томъ заключается, чтобы въ программѣ отмѣривать отдѣльно крестьянамъ и рабочимъ, чтобы стараться что-то компенсировать и непремѣнно надѣлить рабочихъ чѣмъ-то *аналогичнымъ*: крестьянамъ, дескать, даете землю—надо и рабочимъ дать такую же „соціализацію", иначе будетъ неправильно и нелогично [1]). Между той и другой соціализаціей совсѣмъ нѣтъ аналогіи; но если бы она и была, то такой аналогическій методъ построенія программы во всякомъ случаѣ непріемлемъ. Г-нъ Т., „конечно, не можетъ согласиться" съ тѣмъ, чтобы въ сельск. хозяйствѣ (послѣ соціализаціи земли) происходила „болѣе или менѣе мирная организація труда", а въ области индустріи—„вулканическіе революціонные взрывы" [2]). Поэтому онъ „очень и очень проситъ товарищей рабочихъ" воспользоваться предстоящимъ взрывомъ („захватъ земли") и въ свою очередь захватить фабрики и заводы и соціализировать ихъ (92); если же этотъ моментъ упустить, то крестьянство, освободившись отъ „главныхъ революціонныхъ толчковъ", встанетъ „въ ряды лишь слабо активной оппозиціи, сочувственной пролетарскому соціалистическому движенію. Слѣдовательно, здѣсь главная тяжесть революціонной борьбы падетъ на пролетаріатъ, тогда какъ сейчасъ наоборотъ" [3]). Иначе говоря, авторъ опасается, что послѣ завоеванія трудовымъ народомъ земли и улучшенія своего положенія—одна часть его, трудовое крестьянство, успокоится и будетъ оказывать недостаточную поддержку соціализму. Г-нъ Т. не увѣренъ точно въ степени этой поддержки, но настолько встревоженъ, что дѣлаетъ тутъ еще одну „досадную описку": пишетъ „только пассивную", исправляетъ на „болѣе пассивную" и останавливается, наконецъ, въ окончательной редакціи на „слабо активной" поддерж-

[1]) Намъ приходилось слышать такую аргументацію не разъ.
[2]) „Отвѣтъ", 15.
[3]) „Отвѣтъ", ib.

кѣ [1]). Мало того, онъ предполагаетъ, что и „рабочій классъ (т.-е. городской пролетаріатъ), получивши взятку отъ буржуазіи, можетъ легко усыпиться“ (92), такъ что „вулканическіе революціонные взрывы“ въ городахъ, которые предвидятся послѣ той же взятки, будетъ производить усыпленный пролетаріатъ..

Читатель, конечно, никогда не выберется изъ этого заколдованнаго круга противорѣчій и всевозможныхъ гаданій насчетъ „гипноза“, „усыпленія“, „только пассивныхъ, болѣе пассивныхъ, слабо активныхъ“ поддержекъ и пр., если онъ не разстанется прежде всего, по отношенію къ соціалистическому перевороту, съ характерной для „максимализма“ точкой зрѣнія: пользоваться революціоннымъ моментомъ, каково бы ни было содержаніе его, и стараться скорѣе *захватить* соціалистическій строй [2]), чтобы не опоздать. Эти соображенія ни въ коемъ случаѣ *не аргументъ* въ пользу соціализаціи фабрикъ и заводовъ. Съ соціализмомъ опоздать нельзя—это мнимое опозданіе. И если вѣра наша въ свѣтлое будущее сообразуется со степенью нищеты и отчаянія рабочихъ массъ (по теоріи „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше“), это значитъ—мы не вѣримъ въ соціализмъ. Быть можетъ, и даже вѣроятно, что трудовой народъ послѣ настоящей революціи и успокоится на время, не добившись соціализма, но завоевавъ, допустимъ, нашъ досоціалистическій maximum,—или получивъ крупную „взятку“, какъ угодно выражаться г. Т—у: изъ этого слѣдовало бы только, что сейчасъ нельзя осуществить соціалистическое переустройство. Но если бы, напр., трудовое крестьянство и дальше, находясь подобно всему рабочему классу

---

[1]) Ib.—Хотя намъ и не совсѣмъ ясно, почему такъ безпокоится г. Т.; тутъ же, на стр. 92 своихъ „Принциповъ“, онъ говоритъ, что „ни одинъ крестьянинъ сейчасъ не будетъ бороться противъ посягательства на буржуазную собственность“: если сейчасъ только не будетъ „бороться противъ“, а потомъ окажетъ, хотя и слабую „активную“ поддержку, то тогда, очевидно, дѣло рабочихъ будетъ въ лучшемъ положеніи.

[2]) Или „трудовую республику“, въ основу которой положено соціалистическое переустройство—это все равно.

въ условіяхъ наиболѣе по нашему мнѣнію благопріятныхъ, перестало интересоваться соціализмомъ и стремиться къ его осуществленію, то это означало бы, что соціализмъ, вообще, у насъ неосуществимъ и что мы неправильно объединили трудовое крестьянство въ понятіе рабочаго класса. Никакого же спеціально „пролетарскаго соціалистическаго движенія", какъ чего-то отличнаго по существу отъ крестьянскаго движенія, мы не можемъ признавать. Здѣсь только арена дѣйствія такъ сказать географически иная, различны точки приложенія силъ; но дѣятельность должна быть общая, совмѣстная, дѣйствующій субъектъ—единъ. Всѣ элементы рабочаго класса могутъ, должны и будутъ стремиться къ соціализму (и въ городѣ, и въ деревнѣ—а не пролетарскому или крестьянскому) и осуществлять его, когда въ массѣ станутъ соціалистами. До тѣхъ же поръ, въ мѣру сознательности, они должны и будутъ, какъ единый опять-таки классъ, отвоевывать возможно болѣе нужныхъ имъ преобразованій, въ предѣлахъ досоціалистическаго maximum'а,— и при этомъ совершенно безплодно гадать, будетъ ли то или другое завоеваніе происходить „болѣе или менѣе" мирнымъ путемъ, гдѣ и когда должны быть и будутъ „вулканическіе революціонные взрывы". Какъ городской пролетарій соціалистъ долженъ быть кровно заинтересованъ въ соціализаціи земли, такъ и крестьянинъ соціалистъ долженъ стремиться къ обобществленію фабрикъ и заводовъ. Намъ важно подчеркивать, что *весь* рабочій классъ, цѣликомъ, долженъ осуществлять и то и другое соціальное преобразованіе. И если первое (соціализація земли) числится у насъ въ программѣ „минимума", а второе (соціализація фабрикъ и заводовъ) въ программѣ maximum, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что въ первомъ случаѣ мы чего-то не додаемъ рабочимъ (городу), а во второмъ—оставляемъ городъ безъ поддержки деревни, уже получившей свое: разница между тѣмъ и другимъ преобразованіемъ въ программномъ смыслѣ не по мѣсту или профессіи (деревня и городъ), а по существу и по времени осуществленія. Между ними нѣтъ никакой аналогіи, по-

тому что соціализація земли осуществима въ досоціалистическомъ строѣ, потому что она, благодаря особенностямъ соціализируемаго объекта, не предполагаетъ еще соціализаціи производства; самый же объектъ этотъ—земля представляетъ вполнѣ своеобразное средство производства, совершенно особенной категоріи: землю нельзя сдѣлать, количество ея нельзя по желанію увеличить, она имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ виду этого исключительное значеніе какъ источникъ эксплоатаціи всего рабочаго класса. И послѣднему приходится считаться съ ней прежде всего и, какъ только окажется возможнымъ, превратить ее изъ орудія порабощенія въ надежную опору для дальнѣйшей борьбы за свое полное освобожденіе.

* * *

Но можетъ быть не всѣ „максималисты“ смотрятъ на свою „соціализацію фабрикъ и заводовъ“ какъ на общую мѣру, неизбѣжно предполагающую общественную организацію производства и распредѣленія? Можетъ быть, они понимаютъ хотя бы, что соціализировать фабрики и заводы нельзя, не соціализируя сельско-хозяйственнаго производства, а для послѣдняго эта мѣра была бы ужъ чрезмѣрнымъ скачкомъ впередъ, и, понимая это, требуютъ сейчасъ не трудовой республики съ общественной организаціей производства, а чего-то иного, неправильно подводя свои требованія подъ понятіе соціализаціи фабрикъ и заводовъ? Такое предположеніе возможно, и съ иными требованіями въ этой спорной области намъ приходилось встрѣчаться.

Заѣсь можетъ идти рѣчь, конечно, не объ обобществленіи производства и не о муниципализаціи фабрикъ и заводовъ вообще, а объ изъятіи изъ рукъ частныхъ собственниковъ предпріятій, находящихся почему-либо въ исключительныхъ условіяхъ, дозволяющихъ или даже вмѣняющихъ общественное завѣдываніе ими въ силу монопольнаго ихъ характера. Такая соціализація особо важныхъ для всего народа или для данной муниципіи предпріятій, съ той или иной организаціей

общественнаго распоряженія ими, допустима въ нашей программѣ-minimum и соотвѣтствуетъ въ своей основѣ соціализаціи земли. Возьмемъ, напр., земельныя нѣдра, которыя вмѣстѣ съ землей должны быть соціализированы и переданы въ послѣдней инстанціи, въ виду ихъ общенаціональнаго значенія, въ завѣдываніе центральныхъ органовъ народнаго самоуправленія. Это завѣдываніе общенароднымъ достояніемъ не заключается, вѣдь, въ томъ только, чтобы сдать его на откупъ или въ аренду частнымъ предпринимателямъ, на тѣхъ или иныхъ гарантирующихъ потребителя условіяхъ; наоборотъ, при полной демократизаціи политическаго строя и въ соотвѣтствіи съ духомъ нашей программы здѣсь предполагается координированное между низшими и высшими органами народнаго самоуправленія завѣдываніе эксплоатаціей земельныхъ нѣдръ. Частнымъ предпринимателямъ, по мѣрѣ возможности, ужъ долженъ быть закрытъ доступъ къ этимъ предпріятіямъ, и ни въ какомъ принципіальномъ противорѣчіи съ нашей программой не находилась бы, напр., экспропріація частныхъ горныхъ заводовъ, положимъ—на Уралѣ, и передача ихъ въ завѣдываніе коммунъ и муниципалитетовъ, съ извѣстными обязательствами послѣднихъ передъ центральными органами самоуправленія. Сюда же относятся такія предпріятія, какъ пути сообщенія, водоснабженіе и т. д. Я не стану перечислять примѣры — перечислить ихъ нельзя, да и не должно всѣ эти частности помѣщать въ программѣ: въ ней можетъ быть лишь общая, принципіальная формулировка подобныхъ требованій. Таковая и *имѣется* въ нашей программѣ. Въ указанныхъ случаяхъ партія стоитъ за самое широкое отчужденіе недвижимыхъ имуществъ; въ этихъ предѣлахъ она относится положительно ко всѣмъ мѣропріятіямъ, имѣющимъ въ виду обобществленіе еще въ досоціалистическомъ строѣ отдѣльныхъ отраслей народнаго хозяйства, — съ той лишь оговоркой, чтобы демократизація политическаго строя и соотношеніе общественныхъ силъ, равно и самый характеръ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, давали достаточно гарантій противъ увеличенія такимъ путемъ

зависимости рабочаго класса отъ правящей бюрократіи.

Если формулировка программы неудовлетворительна, съ ней, повторяемъ, можно спорить, открыть дискуссію, и ничто не мѣшаетъ исправить ее на ближайшемъ съѣздѣ. Но принципъ долженъ остаться, никакихъ промежуточныхъ, основанныхъ на „по крайней мѣрѣ“ и гадательныхъ минимальныхъ положеній, въ ней не должно быть. И никто, мнѣ кажется, не можетъ доказать, что такъ построенная программа чему-то мѣшаетъ, что-то тормазитъ, стѣсняетъ чей-то размахъ. Программы составляются не по настроенію, а настроеніе въ программномъ анализѣ и синтезѣ должно искать себѣ руководство и опору. И въ этомъ смыслѣ нашу максимальную для досоціалистическаго строя программу врядъ ли можно считать *излишней* въ качествѣ критерія и руководства въ борьбѣ. Настроепію же, несчитающемуся съ теоретическимъ анализомъ, настроенію, выливающемуся въ максимально громкихъ лозунгахъ, дѣйствительно, тѣсно въ рамкахъ даже максимальныхъ программъ. Но здѣсь дѣло ужъ не въ программѣ, а въ темпераментѣ. Это—стихія, которую, конечно, стѣсняетъ программная указка. Разногласія тутъ выходятъ за предѣлы программы, лежатъ внѣ ея,—и мы имѣемъ тутъ дѣло все съ той же стихійной тактикой, дѣйствующей въ ущербъ сознательности, апеллирующей прежде всего и всецѣло къ самобытнымъ, импульсивнымъ пріемамъ массы: рабочіе будутъ захватывать фабрики,—а вы станете ихъ за фалды оттаскивать?

Мы признаемъ наличность и естественную неизбѣжность стихійной тактики, наряду съ политически-сознательными проявленіями; мы вполнѣ учитываемъ тотъ плюсъ, который представляетъ въ общемъ ходѣ революціи стихія дѣйствующая, по сравненію съ забитой, спящей,—всегда, однако, и фатально отклоняющая итоги движепія вправо; мы отдаемъ, наконецъ, должную дань нравственному величію и духовной красотѣ отдѣльныхъ элементовъ стихійнаго потока. Но надо же понять, что *на этомъ* не строются *программы*.

Безпринципность построенія, напр., соціальдемократической аграрной программы, поспѣшающей во всѣ тяжкія за крестьянскими „захватами“, несчитающейся совершенно съ сознаніемъ и желаніями захватчиковъ и не опредѣляющей, что нужно дѣлать съ захватываемымъ („*тактическія* резолюціи“, „поддерживать вплоть до“ и т. д.),—эта безпринципность, наряду съ клятвенными увѣреніями въ противномъ, является вѣдь лучшимъ показателемъ распаденія партіи, свидѣтельствомъ о ея бѣдности, теоретическомъ убожествѣ. Но русскіе соціальдемократы, не въ примѣръ максималистамъ въ кавычкахъ, не возводятъ ея пока еще въ догму, въ своего рода принципъ [1]). Русскіе же „максималисты“ предлагаютъ намъ на стихіи и темпераментѣ построить всю нашу тактику. И мы отвѣтимъ имъ: оставьте въ покоѣ партію! Дробитесь, растворяйтесь и расплывайтесь, — это соотвѣтствуетъ уровню вашей сознательности, и весь вредъ отъ такой дѣятельности на васъ падетъ; но партія за вами не послѣдуетъ и не можетъ пойти на самоубійство: всѣмъ послушать вашего совѣта,—это значило бы сознательно повредить своему собственному, кровному дѣлу, это значило бы обезглавить движеніе и оставить массы вразбродъ и ощупью пробивать себѣ дорогу къ свѣтлому будущему...

„Ближайшимъ этапомъ является передача политической власти, орудій труда и средствъ производства... трудящимся массамъ, не имѣя пока въ виду общественнаго ими пользованія (и властью? А. Р.) за неподготовленностью къ тому массъ“ [2]). Эти слова одного изъ участниковъ перваго съѣзда п. с.-р. очень хорошо иллюстрируютъ вышеотмѣченную безпринципность. И такую же подкладку имѣютъ всѣ писанія, всѣ дѣйствія и призывы „максималистовъ“. Противорѣчивыя

---

[1]) За исключеніемъ пробной попытки г. Плеханова, уже давно склоннаго подмѣнить принципы „гибкой тактикой“, сплошной дипломатіей и компромиссами, и не выдержавшаго характера съ появленіемъ на сцену русскаго „парламента“; кромѣ того, здѣсь дѣйствуетъ, конечно, разсчетъ поссибилиста, а не темпераментъ революціонера.

[2]) „Протоколы перваго съѣзда“, стр. 102.

разсужденія ихъ о достаточной сознательности рабочихъ—это элементъ побочный; красной же нитью черезъ всѣ ихъ разсужденія проходитъ та мысль, что рабочіе во всякомъ случаѣ должны теперь же „захватывать", какова бы ни была степень ихъ сознательности, осуществимо ли общественное производство, или не осуществимо „за неподготовленностью къ тому массъ". И насъ спрашиваютъ при этомъ, будемъ ли мы *удерживать?* Можетъ быть, будемъ, а можетъ быть, и не будемъ,—во всякомъ случаѣ это вопросъ политическаго такта, а не принципіальный, и никакого отношенія къ соціализму онъ не имѣетъ. Но призывать къ этому мы не будемъ, всегда и всюду разъясняя, при какихъ условіяхъ можетъ и долженъ совершиться такой захватъ фабрикъ *и* обобществленіе производства. „Для насъ совершенно достаточно одного факта—говоритъ г. Т.—факта эксплоатаціи для того, чтобы на почвѣ сознанія его бороться съ нимъ" (71),—и для насъ достаточно этого сознанія, чтобы бороться, но отнюдь не уничтожать эксплоатацію путемъ соціализаціи производства: одного такого сознанія недостаточно. И мы не можемъ сказать, что „теперь... трудовой классъ, похоронившій эксплоататоровъ, *знаетъ*, что ему надо дѣлать, чтобы избавиться навсегда отъ этихъ господъ"... (68), знаетъ потому только, что онъ трудовой („трудовая психика"). Нѣчто подобное продѣлываютъ русскіе соціальдемократы съ пролетаріемъ, подставляя его вмѣсто соціалиста, подмѣняя соціалистическую точку зрѣнія „пролетарской"; но они, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ пролетаріевъ, хотя и представителей единственно революціоннаго класса, считаютъ необходимымъ подвергать очень и очень продолжительной выучкѣ, чтобы тѣ обратились въ „пролетаріатъ". „Максималисты" же самую принадлежность къ трудовому классу уже считаютъ достаточной, чтобы призывать къ „захвату" и осуществлять соціализмъ. Лозунгъ „захвата" мы считаемъ не совсѣмъ удачнымъ вообще — даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ измѣненіи отношеній собственности, обобществленіи ея, не предрѣшающемъ общественнаго производства; имъ нерѣд-

ко злоупотребляютъ, недостаточно выясняя сущность преобразованія, къ которому стремятся, и при проведеніи такого лозунга въ жизни возможны всякія искаженія. Но легко себѣ представить, какія искаженія и какая смута произойдетъ при захватѣ фабрикъ и заводовъ трудовыми массами, не проникнутыми соціалистическимъ сознаніемъ и не организованными въ соціалистическую партію.

Мы уже видѣли, какъ путается въ этомъ вопросѣ огромной важности самъ „теоретикъ", объявляющій въ заключеніе, что „*отнюдь не считаетъ* своего рѣшенія окончательнымъ" [1]). Еще меньше, конечно, поймутъ его читатели, и уже самымъ прихотливымъ образомъ претворится вся эта путаница въ массахъ, до которыхъ не дойдутъ теоретическіе „Принципы" г. Т., которыя въ нихъ совсѣмъ не смогутъ разобраться, а услышатъ только кличъ: захватывайте и соціализируйте. Мы встрѣчали не разъ у г. Т. такія выраженія, какъ „крестьянское *землевладѣніе*" и „общинная *собственность* на землю", мы отмѣтили характерное отсутствіе въ его пространныхъ разсужденіяхъ о соціализаціи земли прямого указанія на то, что должна быть уничтожена *и* всякая групповая собственность на землю, которая объявляется общенароднымъ достояніемъ, а также и такія любопытныя описки, какъ переходъ промышленныхъ предпріятій въ „собственность рабочихъ". Не меньше описокъ и промаховъ, надо думать, будетъ у его читателей; рабочая же масса, распропагандированная „максималистами", выведетъ, пожалуй, изъ всѣхъ этихъ описокъ такое „окончательное рѣшеніе", что и всѣ „Принципы" чего добраго пойдутъ на смарку. Не трудно представить себѣ, что эта „соціализація" обратится въ захватъ группами рабочихъ тамъ и сямъ отдѣльныхъ предпріятій, поведетъ въ лучшемъ случаѣ, гдѣ они выживутъ, къ насажденію на ряду съ частной и такой же монопольной какъ и она — групповой собственности на средства производства и замедлитъ,

---

[1]) „Отвѣтъ", 44.

затруднитъ борьбу за соціализмъ. Такія послѣдствія почти несомнѣнны, и они антисоціальны.

Точно также вредны, антисоціальны и должны тормазить побѣду соціализма вылазки „максималистовъ“ противъ „партій“, вѣрнѣе — противъ интеллигенціи. Они рекомендуютъ „организацію пролетаріата не подъ знаменемъ партій“[1]), предупреждаютъ на счетъ „волковъ въ овечьей шкурѣ“ и „сладко поющихъ сиренъ“ и стоятъ за „лишеніе всѣхъ *нетрудовыхъ* элементовъ въ организаціи права рѣшающаго голоса“: „чуждые труду эти элементы слишкомъ легко склонны смотрѣть на него только какъ на силу, и нерѣдко очень мало считаются, съ его интересами“ (95). Трудовой народъ, конечно можетъ и долженъ объединяться и въ профессіональные союзы и въ безпартійные союзы этихъ союзовъ и т. п. Но поскольку онъ становится соціалистическимъ и задается цѣлями политическаго и соціальнаго строительства — онъ непремѣнно долженъ организоваться въ соціалистическую партію, воспитывающую трудовыя массы въ безпартійныхъ союзахъ и руководящую ихъ дѣятельностью. Въ эту партію входитъ и будетъ входить изъ рабочей среды все наиболѣе сознательное, интеллигентное, и рекомендовать трудовому народу сторониться партій — это значитъ отрывать его отъ наиболѣе сознательныхъ элементовъ, возстанавливать его противъ тѣхъ, кто несетъ въ массы свѣточъ наукй и истины, въ частности — противъ „нетрудовой“ въ прямомъ и узкомъ смыслѣ слова интеллигенціи, которой предлагается кстати не давать права рѣшающаго голоса въ рабочихъ организаціяхъ. Пропаганда этихъ идей, облекшись на периферіи въ болѣе опредѣленныя формы, не можетъ не порождать въ рабочей средѣ антиинтеллигентскаго теченія, не сѣять розни между работниками и наукой, между трудовыми массами и соціалистической интеллигенціей. Это знакомая, старая пѣсенка, которую не одинъ демагогъ напѣвалъ, воздѣйствуя на „трудовую психику“, не просвѣтленную свѣтомъ соціалистическаго сознанія.

---

[1]) Ib. 48.

„Съ партіями, если онѣ выполнятъ долгъ соціалистовъ, безъ партій, если онѣ поставятъ преграды революціонно-соціалистическому слову“ [1]) — „максималисты“ пойдутъ къ своей цѣли. А „долгъ“ партійныхъ соціалистовъ, какъ мы видѣли,—возставать противъ партійности и партій, противопоставляющихъ себя элементамъ стихіи; ихъ „революціонно-соціалистическимъ словомъ“ долженъ быть припѣвъ:

„Рабочіе, друзья мои, сплотитесь!
Не вѣрьте никому, враги, враги кругомъ.
Довѣрьтесь лишь себѣ—наука въ жизни вашей,
Иной науки нѣтъ, иной науки нѣтъ!“ [2])

Конечно, этой демагогіи, приспособляющейся къ массамъ, этому лицемѣрію (или невмѣняемости?), такъ грубо льстящему друзьямъ-рабочимъ и поучающему въ другомъ мѣстѣ соціальдемократію, что не слѣдуетъ идеализировать даже Бога“ и что „рабочіе, какъ и буржуи, не чужды стремленія къ наживѣ на чужой счетъ“ (55),—не мѣсто въ партіи. Но пусть же и отъ нихъ отойдутъ всѣ идейные элементы, „гипнотизированные“ архи-революціонной словесностью и ложно понятымъ максимализмомъ, —всѣ тѣ, кто способенъ еще возмущаться сочетаніемъ приведенныхъ сейчасъ выкрикиваній „пѣвца“-максималиста съ посвященіями максималистскихъ „Принциповъ“ памяти Михайловскаго и Лаврова. Подобное кощунство отвратительно, и единственное объясненіе ему—въ неразумѣніи.

А. Рудинъ.

Какъ осуществить равноправіе національностей.

I.

Въ борьбѣ съ революціей бюрократія ни передъ какими средствами не останавливается. Чтобы разобщить своихъ враговъ, она всѣми силами старается пробудить и разжечь національный антагонизмъ: враги, въ лагерѣ которыхъ нѣтъ согласія, не очень опасны. Поэтому агенты правительства еще во время господства Плеве старались убѣдить русскій народъ, что къ свободѣ стремится не весь россійскій трудовой народъ и просвѣщенная интеллигенція, а только инородцы. Эти агенты убѣждали, что бунтуютъ евреи, которые хотятъ уничтожить правительственную власть, чтобы захватить ее въ свои руки и господствовать надъ русскимъ народомъ; что поляки, грузины и армяне желаютъ отдѣлиться отъ Россіи и основать свое собственное государство. Пропаганда такихъ мыслей находила себѣ почву въ темной массѣ. Не безъ вѣдома и даже при тайномъ содѣйствіи Плеве были устроены еврейскіе погромы въ Кишиневѣ и Гомелѣ. Скоро произошли погромы и въ другихъ мѣстахъ, а теперь погромы стали обычнымъ явленіемъ русской дѣйствительности. На Кавказѣ вражда между армянами и татарами, провокаторски насаждаемая полиціей, приняла ужасныя формы: вотъ уже два года, какъ съ небольшими перерывами происходитъ безпощадная рѣзня между этими двумя враждующими національностями. Самодержавное правительство, конечно, не безъ цѣли возбудило эту вражду. Для того, чтобы успѣшно бороться съ бюрократіей, революціонеры всѣхъ народностей

должны соединиться въ одну революціонную армію. Чтобы помѣшать этому соединенію, бюрократія сѣетъ вражду между народностями. Такъ какъ въ Россіи, благодаря существованію самодержавно-полицейскаго строя, много еще неразвитыхъ и темныхъ людей, эта затѣя бюрократіи отчасти удавалась.

Такое положеніе вещей осложняетъ и безъ того сложный національный вопросъ. Онъ сложенъ потому, что очень часто господствующіе классы выставляютъ свои собственные классовые интересы подъ видомъ національныхъ. Поэтому, прежде чѣмъ выработать національную программу, надо вдуматься въ этотъ вопросъ, выдѣлить изъ его содержанія незаконно примѣшанные къ нему элементы буржуазно-классоваго націонализма и, подвергнувъ критическому анализу постановку національнаго вопроса буржуазіей, установить, какъ долженъ рѣшить его трудовой народъ. Реакціонная буржуазія и слышать не хочетъ о равноправіи національностей, а либеральная увѣряетъ, что нѣтъ никакой необходимости теперь же вырабатывать программу по національному вопросу: когда въ Россіи будетъ разрушенъ бюрократическій строй и воцарится гражданская свобода, тогда національный вопросъ будетъ справедливо рѣшенъ. Сторонники такого взгляда и слышать не хотятъ объ областной и національной автономіи. Но не вся буржуазія, взятая въ цѣломъ, одинаково смотритъ на національный вопросъ. Если крупная и мелкая буржуазія господствующей націи проникнута паннаціоналистскими, напр., у насъ руссификаторскими, тенденціями и враждебно противостоитъ автономистскимъ или федоралистскимъ стремленіямъ подчиненныхъ народностей, а крупная буржуазія послѣднихъ, спѣша пріобщиться къ благамъ капиталистической эксплоатаціи при благосклонномъ содѣйствіи классоваго государства, легко усваиваетъ „патріотизмъ“ новаго отечества, то зато мелкая буржуазія угнетенныхъ національностей всегда пропитана узкимъ націонализмомъ. Крупная русская буржуазія стремится завладѣть всѣмъ внутреннимъ рынкомъ; у нея нѣтъ внѣшнихъ рынковъ, потому что Россія позже другихъ

странъ выступила на путь капиталистическаго развитія. О захватѣ внѣшнихъ рынковъ ей нечего было мечтать: кто бы сталъ внѣ Россіи покупать русскіе товары, когда товары Западной Европы превосходятъ наши по качеству и гораздо дешевле? Поэтому крупная буржуазія хочетъ захватить по крайней мѣрѣ весь внутренній рынокъ; въ этомъ стремленіи къ захвату рынка она старается разрушить всѣ тѣ преграды, которыя стоятъ на пути. Одной изъ преградъ надо считать существованіе внутри государства различныхъ народностей, говорящихъ на разныхъ языкахъ. Это существованіе различныхъ націй и языковъ создаетъ внутри государства національные рынки, которые мѣшаютъ свободному обращенію товаровъ. Автономія областей и народностей еще болѣе укрѣпитъ эти рынки, и поэтому крупная буржуазія борется противъ нея. Она поддерживаетъ политику ассимилированія народностей въ той надеждѣ, что сгладится различіе языковъ и уничтожатся національные рынки; вмѣсто нихъ создастся одинъ внутренній рынокъ, на которомъ будетъ господствовать крупная буржуазія.

Если классовые интересы крупной, господствующей буржуазіи заставляютъ поддерживать политику насильственнаго ассимилированія мелкихъ народностей, населяющихъ Россію, то за то мелкая буржуазія, которая зависитъ отъ мѣстныхъ національныхъ рынковъ, ведетъ прямо-противоположную политику. Она не можетъ конкурировать съ крупной буржуазіей на внутреннемъ рынкѣ и потому всѣми силами старается сохранить и закрѣпить за собой мѣстный національный. Крупная господствующая буржуазія оградила родную русскую промышленность отъ вторженія лучшихъ по качеству и дешевыхъ иностранныхъ товаровъ высокими таможенными пошлинами. Мелкая буржуазія стремится къ тому же: она желаетъ выдѣлить отдѣльныя области, оградить ее таможнями и такимъ образомъ удержать за собой мѣстный рынокъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что мелкая буржуазія угнетенныхъ народностей всегда готова поддерживать не только требованіе автономіи для областей, но и самыя

крайнія національныя стремленія, вплоть до сепаратизма. Справедливость вышеизложеннаго мнѣнія можно доказать многими примѣрами. До тѣхъ поръ, пока Шлезвигъ принадлежалъ датчанамъ, нѣмецкая буржуазія боролась противъ датчанъ, будто бы во имя защиты нѣмцевъ и равноправія національностей. Теперь же, когда эта область уже завоевана нѣмцами, та же буржуазія притѣсняетъ датчанъ. Въ Австріи различныя народности, руководимыя своей буржуазіей, борются за свое національное освобожденіе и въ то же время на своей территоріи притѣсняютъ другія, болѣе слабыя, народности. Та же картина наблюдается у насъ въ Россіи. Польская крупная буржуазіи (напримѣръ капиталисты Лодзи), которая производитъ товары чуть ли не на всю Россію и можетъ конкурировать на внутреннемъ рынкѣ съ крупной буржуазіей другихъ національностей, не стремится вовсе къ польской свободѣ. За то мелкая польская буржуазія, которая зависитъ отъ мѣстнаго польскаго рынка, стремится къ отдѣленію Польши отъ Россіи не для того, конечно, чтобы осуществить въ Польшѣ равноправіе національностей, а для того, чтобы тѣмъ легче у себя притѣснять другія народности и эксплоатировать рабочій классъ. Такимъ образомъ классовые интересы и крупной и мелкой буржуазіи пробуждаютъ въ первой стремленіе къ господству во всемъ государствѣ (поэтому она поддерживаетъ насильственную ассимиляцію), а во второй стремленіе къ господству на своей территоріи (поэтому она поддерживаетъ самыя крайнія націоналистическія требованія).

Ясно т. о., что подъ покровомъ агрессивной или оборонительной націоналистической идеологіи буржуазія въ дѣйствительности преслѣдуетъ свои узко-эгоистическіе интересы. Въ борьбѣ съ буржуазіей трудящіяся массы должны сознать свои классовые интересы и въ соотвѣтствіи съ ними выработать свою національную программу, логически вытекающую изъ основныхъ положеній трудового міросозерцанія. Интересы трудящихся классовъ защищаютъ соціалисты, и слѣдовательно ни одна соціалистическая партія не можетъ

обойти національный вопросъ, но должна найти для него такое рѣшеніе, которое соотвѣтствовало бы идеямъ соціализма и интересамъ рабочаго класса. Изъ дальнѣйшаго разсужденія мы увидимъ, что интересы трудового народа требуютъ осуществленія равноправія національностей.

На всемъ земномъ шарѣ нельзя найти такой группы рабочихъ, которая не чувствовала бы себя частью какой-нибудь націи. Даже такой развитой пролетаріатъ, какъ нѣмецкій, не лишенъ патріотическихъ чувствъ. Рабочій классъ, конечно, прежде всего борется для удовлетворенія своихъ классовыхъ интересовъ, но въ то же время онъ не забываетъ, что онъ является частью своей націи, съ которой онъ связанъ общностью языка, традиціи и культуры; и если его народности грозитъ какая-нибудь опасность, онъ готовъ стать на ея защиту. И эта любовь къ своему народу до такой степени сильна и естественна, что очень часто рабочій классъ, борясь за національную свободу, забываетъ, что среди своего народа у него находится „внутренній“ врагъ—буржуазія. Мало того, онъ даже бываетъ склоненъ объединиться съ этимъ врагомъ, забыть классовой антагоизмъ и вмѣстѣ съ буржуазіей бороться за свободу своего народа.

Такое затемнѣніе классоваго самосознанія рабочихъ массъ, конечно, на руку буржуазіи: это ей выгодно, потому что, чѣмъ сильнѣе сознаніе рабочаго класса отвлекается отъ его классовыхъ интересовъ и обращается въ сторону національной борьбы, тѣмъ легче можно его эксплоатировать. Буржуазія протягиваетъ рабочимъ дружески руку и говоритъ: „Забудемъ на время наши семейныя распри, такъ какъ нашему народу въ цѣломъ грозитъ опасность порабощенія. Объединимся и будемъ вмѣстѣ бороться противъ угнетателей. Когда добьемся національной свободы, тогда мы можемъ вспомнить свои домашнія дѣла (т.-е. классовыя противорѣчія)“. И очень часто пропаганда такихъ пагубныхъ, съ соціалистической точки зрѣнія, идей находитъ себѣ сочувствіе среди рабочей массы притѣсняемыхъ народностей. Армянскій рабочій классъ

очень мирно живетъ съ армянскимъ капиталистомъ. Среди армянъ мы не видимъ сильнаго развитія классовой борьбы.

Когда царское правительство отобрало у армянъ церковное имущество, тогда армянская буржуазія и трудовой народъ соединились вмѣстѣ и боролись противъ правительства. И съ тѣхъ поръ до сего времени не развилась классовая борьба среди армянъ, до сихъ поръ еще армянская буржуазія и буржуазныя партіи съ успѣхомъ ведутъ національную пропаганду, затемняющую классовое сознаніе армянскаго рабочаго класса.

Соціалистическая партія желаетъ соединить рабочій народъ различныхъ національностей въ одну великую классовую армію; безъ этого соединенія соціализмъ никогда не восторжествуетъ. Но въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ одна народность господствуетъ надъ другими и угнетаетъ ихъ, соединеніе рабочихъ всѣхъ народностей почти немыслимо, потому что трудящіеся классы угнетенныхъ національностей всегда будутъ возставать противъ притѣснителей и бороться за освобожденіе своей націи; такимъ образомъ рабочіе не будутъ всецѣло отдаваться исключительно классовой борьбѣ. Трудовой народъ только тогда будетъ успѣшно бороться противъ буржуіазіи, когда классовая борьба ничѣмъ не будетъ осложняться; рабочіе различныхъ народностей только тогда сольются въ одну грозную соціалистическую армію, когда всѣ національности будутъ равноправны. Этимъ и должна руководствоваться соціалистическая партія при выработкѣ національной программы. Она должна уничтожить, похоронить національный вопросъ, чтобы онъ не отвлекалъ рабочихъ отъ прямой ихъ задачи— борьбы за соціализмъ. А похоронить этотъ вопросъ возможно только тогда, когда осуществится дѣйствительное равноправіе національностей.. Поэтому соціалистическая партія не должна ограничиться однимъ провозглашеніемъ высокихъ принциповъ, а должна ясно и опредѣленно указать на тѣ гарантіи, которыя обезпечатъ равенство народностей.

II.

Принципіально всѣ дѣйствующія въ Россіи соціалистическія партіи согласны въ томъ, что необходимо осуществить въ Россіи равноправіе національностей, ибо только въ такомъ случаѣ возможно будетъ объединить въ одну армію свободныхъ рабочихъ свободныхъ народностей.

Но несмотря на то, что въ принципѣ всѣ соціалистическія партіи съ этимъ согласны, программа ихъ далеко не одинакова. Мало того, у одной изъ нихъ нѣтъ никакой программы; я имѣю въ виду соціалъ-демократическую рабочую партію. На второмъ съѣздѣ эта партія объявила, что она стоитъ за свободное „самоопредѣленіе“ всѣхъ народностей и успокоилась. Но что это за самоопредѣленіе, культурное или политическое, главное, какъ оно должно быть проведено въ жизнь, какія гарантіи права на самоопредѣленіе должны быть созданы, объ этомъ въ соціалъ-демократической программѣ ни слова не сказано. Со времени 2-го съѣзда соціалъ-демократія все еще не удосужилась разрѣшить національный вопросъ и такъ называемый объединительный съѣздъ, вынося по разнымъ вопросамъ цѣлый рядъ резолюцій, рѣшеніе національнаго вопроса отложилъ „за недостаткомъ времени“.

Мнѣ кажется, что такая неясная и неопредѣленная программа, или лучше сказать отсутствіе программы, такъ какъ неясную фразу о самоопредѣленіи національностей программой назвать нельзя, вытекаетъ съ одной стороны изъ непониманія національнаго вопроса, а съ другой изъ недостаточно-глубокой вдумчивости въ интересы трудящагося класса. Въ этомъ не трудно будетъ убѣдиться, если вспомнимъ, что говорятъ сами соціалъ-демократы относительно своей программы; въ четвертомъ номерѣ „Зари“ мы читаемъ ихъ откровенныя признанія. „Въ Россіи соціалъ-демократы еще могутъ спокойно обождать своей детальной декларацією по національному вопросу и удовольствоваться пока принципіальнымъ заявленіемъ манифеста партіи о при-

знаніи за каждой націей права самоопредѣленія. Заявленіе это съ полной ясностью и опредѣленностью выражаетъ общее отношеніе по всѣмъ національностямъ въ Россіи, и этого вполнѣ достаточно". А что такое означаетъ у соціалъ-демократовъ это самоопредѣленіе, объ этомъ мы узнаемъ въ 33 номерѣ „Искры". „Требованіе признанія права на самоуправленіе за каждой національностью означаетъ само по себѣ лишь то, что мы, партія пролетаріата, должны быть всегда и безусловно противъ всякой попытки насиліемъ или несправедливостью вліять извнѣ на народное самоопредѣленіе". Странная эта программа, которая объявляетъ *противъ чего* она пойдетъ! До сихъ поръ мы привыкли видѣть такую программу, въ которой говорится *за что* партія борется. Если будемъ знать, *чего* партія требуетъ, тогда само собой будетъ понятно, противъ чего она пойдетъ и чего не будетъ поддерживать. Вѣдь было бы въ высшей степени странно, если соціалъ-демократическая партія объявила бы, что она стоитъ противъ эксплоатаціи капиталистами рабочаго класса и не будетъ поддерживать ея. Но партія въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ такой ошибки, она выставляетъ ясное и опредѣленное требованіе восьми-часового рабочаго дня, повышенія заработной платы и пр. Такъ немилостиво отнеслась русская соціалъ-демократія только къ національному вопросу.

Особенно любопытно звучитъ „право на самоопредѣленіе", когда мы его сопоставимъ съ слѣдующимъ заявленіемъ центральнаго органа соціалъ-демократіи: „не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализмъ и національную автономію"!

Одно изъ двухъ! или національные интересы совершенно чужды интересамъ рабочаго класса, тогда не нужно вырабатывать никакой програмы по этому вопросу; или же, въ чемъ согласны и сами соціалъ-демократы, интересы рабочаго класса требуютъ уничтоженія національнаго гнета и равноправія національностей, тогда партія обязана выставить точныя и опредѣленныя программныя требованія, которыя *гарантировали* бы національное равноправіе.

Правда, что соціалъ-демократы вставили въ свою программу требованіе права для каждой національности получать образованіе на родномъ языкѣ, но и это далеко не удовлетворительно рѣшаетъ этотъ наболѣвшій вопросъ. Во-первыхъ, кто или что должно обезпечить это право? Вѣдь недостаточно, чтобы государство признало его? Необходимо указать на тѣ гарантіи, которыя обезпечатъ проведеніе въ жизнь этого права.

О свободѣ языковъ говоритъ и австрійская конституція 21 декабря 1867 года, но въ какой странѣ мелкія національности угнетены болѣе, чѣмъ въ Австріи? И этотъ примѣръ австрійской конституціи очень наглядно показываетъ, что недостаточно провозгласить принципъ равноправія національностей, но необходимо точно и ясно указать тѣ мѣры, которыя обезпечатъ это равноправіе. Въ соціальдемократической программѣ, равно и въ литературѣ, нѣтъ и намека на эти гарантіи.

Польская соціалистическая партія видитъ эти гарантіи въ широкой областной автономіи. Еще недавно эта партія стремилась къ отдѣленію Польши отъ Россіи, и въ этомъ стремленіи не было ничего предосудительнаго: Польша давно созрѣла для демократическихъ реформъ; если бы она была свободна и независима, тогда польскіе соціалисты добились бы осуществленія своей минимальной программы. Но Польша стонала подъ игомъ русской бюрократіи; ни о какихъ реформахъ, необходимыхъ для свободнаго развитія классовой борьбы, нельзя было и думать, и поэтому польскіе соціалисты желали отдѣлиться отъ Россіи, чтобы въ свободной странѣ начать рѣшительную войну съ классомъ эксплоататоровъ во имя побѣды соціализма. Но обстоятельства измѣнились. 17 октября революція въ Россіи одержала первую побѣду, и въ дальнѣйшихъ побѣдахъ нѣтъ сомнѣнія, нѣтъ сомнѣнія что скоро наступятъ лучшіе дни для страны, облитой кровью рабочаго народа. Конечно, обѣщанія правительства не могутъ имѣть никакой цѣны въ глазахъ соціалистовъ, но 17 октября сохраняетъ свое важное значеніе, какъ первая побѣда, одержанная рабочимъ классомъ послѣ

многолѣтней и упорной борьбы. Она показала польскимъ соціалистамъ, что русскій трудовой народъ созналъ, наконецъ, себя и свою силу, и что поэтому близокъ день, когда старая самодержавная Россія преклонитъ голову передъ новой, свободной. И въ такое время народнаго освобожденія требованіе независимости Польши могло посѣять національную рознь и даже вражду между польскимъ и русскимъ трудовымъ народомъ; бюрократія поспѣшила бы воспользоваться этой рознью и дѣло свободы отъ этого только проиграло бы. Поэтому польская соціалистическая партія выключила изъ своей программы требованіе отдѣленія Польши отъ Россіи; теперь она ограничивается требованіемъ для Польши широкой областной автономіи. Соціалистическія партіи другихъ народностей выставляютъ такую же программу. Но обезпечиваетъ ли областная автономія или федеративный строй государства равноправіе національностей, надъ этимъ вопросомъ слѣдуетъ остановиться.

Очень часто какъ сторонники, такъ и противники областной автономіи и федераціи не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ, что подразумѣвается подъ этими терминами. Напримѣръ, автономія Польши и автономія поляковъ употребляются, какъ равнозначущія понятія, между тѣмъ какъ первое понятіе означаетъ территоріальную автономію, а второе—національную. Противники автономіи и федераціи нерѣдко думаютъ, что они равнозначущи сепаратизму и означаютъ чуть-что не враждебность автономныхъ и федеративныхъ частей. Поэтому необходимо въ нѣсколькихъ словахъ разъяснить въ чемъ заключается сущность автономіи и федераціи.

Автономія означаетъ право самостоятельнаго у себя законодательства и самоуправленія, ограниченное однако правами центральной законодательной власти.

Здѣсь слѣдовательно, дѣйствуетъ тотъ принципъ, что въ случаѣ коллизіи имперское право отмѣняетъ мѣстное — das Reichsrecht bricht das Landesrecht. Въ Австріи мы имѣемъ автономію отдѣльныхъ областей, т. н. коронныхъ земель. Эти провинціи имѣютъ свои сеймы, въ сферу компетенціи которыхъ

входитъ мѣстное законодательство. Но законодательныя полномочія провинціальныхъ сеймовъ ограничиваются общими нормами, устанавливаемыми центральнымъ законодательнымъ органомъ—рейхсратомъ. Правда, въ нѣкоторыхъ областяхъ законодательства сеймы имѣютъ абсолютную власть, и привилегіи эти, установленныя основными законами, не зависятъ отъ воли рейхсрата, что придаетъ Австріи какъ бы сходство съ конфедераціей, но и въ этихъ случаяхъ, помимо того уже, что они крайне немногочисленны, власть сеймовъ ограничена центральной властью, въ данномъ случаѣ императора, безъ утвержденія котораго сеймовые законопроекты не могутъ стать законами. Эта зависимость мѣстнаго законодательства отъ центральнаго, которому первое не должно противорѣчить и въ случаѣ коллизіи уступаетъ, составляетъ отличительную черту автономіи въ противоположность федераціи. Послѣдняя напротивъ означаетъ союзъ независимыхъ государствъ, въ основу котораго положенъ свободный договоръ, отводящій центральному правительству спеціально опредѣленныя полномочія. Во всѣхъ же остальныхъ областяхъ законодательства и управленія, не входящихъ въ кругъ оговоренныхъ полномочій федеральныхъ властей, союзныя государства сохраняютъ за собой неограниченную, верховную власть. Типъ федеративнаго союза даетъ намъ Швейцарская республика или Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Т. о., если при автономіи области даже въ сферѣ внутренняго законодательства свободны лишь по стольку, по сколько эта свобода отводится имъ центральной властью, то при федераціи подобное вмѣшательство федеральныхъ властей въ т. ск. домашнія дѣла союзныхъ государствъ не можетъ имѣть мѣста. Такъ какъ въ основѣ федераціи лежитъ свободный договоръ, то съ этимъ понятіемъ необходимо связывается представленіе о равенствѣ правъ членовъ союза. Вотъ почему, напр., хотя Германская имперія и трактуется оффиціально, какъ союзъ—федерація, она во всякомъ случаѣ не представляетъ таковой въ чистомъ видѣ. Законодательная компетенція имперскихъ властей весьма широка и вы-

ходитъ за предѣлы вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе. Болѣе того: согласно ст. 19 конституціи, въ случаѣ, если какое-либо союзное государство отказывается исполнять имперскій законъ, то оно можетъ быть къ этому принуждено посредствомъ федеральной экзекуціи, т.-е. вооруженнаго нападенія. Далѣе не можетъ быть и рѣчи о равенствѣ союзныхъ государствъ: въ то время, какъ Пруссія посылаетъ въ Союзный Совѣтъ 17 уполномоченныхъ, какой-нибудь Саксенъ-Веймаръ только одного. Въ Германской Имперіи мы не видимъ т. о. основныхъ отличій федераціи, и потому-то авторитеты государственнаго права склоняются къ тому, что Германская Имперія должна быть признана не союзомъ государствъ, а союзнымъ государствомъ.

Изъ данной характеристики институтовъ автономіи и федераціи видно, что при нихъ, особенно при послѣдней, упорядоченіе и удовлетвореніе интересовъ отдѣльныхъ областей и національностей отдается въ руки заинтересованныхъ. То, что имѣетъ мѣсто у насъ въ Россіи, политика руссификаціи, угнетенія чужихъ національностей и принесенія въ жертву ей окраинныхъ интересовъ—не могло бы имѣть мѣста при широкомъ проведеніи въ жизнь началъ автономіи и федераціи. Ясно отсюда все значеніе этихъ институтовъ съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ. Важно и слѣдующее соображеніе.

Истинно демократическая партія не можетъ не стремиться къ автономно-федеративному строю еще и потому, что при немъ гораздо легче провести въ странѣ демократическія реформы. Если одна какая-нибудь область въ государствѣ созрѣла для радикальныхъ реформъ, а само государство, взятое въ цѣломъ,—нѣтъ, въ такихъ случаяхъ только при федеративномъ устройствѣ возможно провести въ этой созрѣвшей области нужныя реформы. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ штатахъ великой американской республики осуществленъ принципъ равноправія женщинъ, тогда какъ вся республика, взятая въ цѣломъ, еще не доросла до этой реформы. Чѣмъ государство обширнѣе, тѣмъ федеративное его дѣленіе—необходимѣе и плодотворнѣе, такъ

какъ изъ одного центра нельзя управлять громаднымъ государствомъ, мѣстныя нужды никогда центру не будутъ дороги и даже понятны. Но все-таки остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, насколько областныя автономія и федерація обезпечиваютъ свободу и равноправіе національностей. Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего выяснить тѣ причины, благодаря которымъ въ одной странѣ одна нація имѣетъ возможность господствовать надъ другими и угнетать ихъ. Почему это угнетеніе одной національности другою не дѣлается невозможнымъ при демократической республикѣ? Отвѣтъ ясенъ: потому что въ парламентѣ будутъ преобладать представители господствующей народности; всѣ тѣ дѣла, въ которыхъ столкнутся интересы двухъ націй, будутъ рѣшаться такъ, какъ это выгодно господствующей. Такимъ образомъ судьба всѣхъ національныхъ интересовъ будетъ всецѣло находиться въ рукахъ представителей одной націи. До тѣхъ поръ, пока своими національными дѣлами не завѣдуетъ сама нація, неравенство будетъ всегда существовать, и интересы малыхъ народностей всегда будутъ приноситься въ жертву интересамъ крупныхъ.

Сторонники территоріальной автономіи забываютъ, что областная автономія совершенно не устраняетъ тѣхъ причинъ, благодаря которымъ господствующая нація имѣетъ возможность угнетать другія націи. Въ каждой области одна какая-нибудь народность численно превосходитъ остальныя. Въ автономномъ сеймѣ представители этой націи будутъ составлять большинство и такъ же будутъ угнетать другія націи, какъ въ центральномъ парламентѣ большинство угнетало меньшинство.

Что можетъ дать автономія Польши народностямъ, населяющимъ ее? Обезпечитъ ли она равноправіе національностей въ предѣлахъ Польши? Нѣтъ, потому что въ польскомъ сеймѣ большинство будутъ составлять поляки, и судьба культурно-національныхъ интересовъ всѣхъ остальныхъ народностей, населяющихъ Польшу, будетъ находиться въ рукахъ этого большинства. Поль-

ское большинство, конечно, будетъ въ высшей степени отзывчиво на нужды польскаго народа, но интересы другихъ націй, евреевъ, русскихъ, нѣмцевъ и пр. имъ не будутъ и не могутъ быть близки. А въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы этихъ народностей столкнутся съ интересами поляковъ, нѣтъ сомнѣнія, что польское большинство въ сеймѣ будетъ пристрастно и рѣшитъ вопросъ такъ, какъ это выгодно полякамъ. Но не слѣдуетъ думать, съ другой стороны, что національныя нужды поляковъ будутъ удовлетворены во всей Россіи, если Польша получитъ автономію. Ничуть не бывало! Если при автономіи Польши поляки въ предѣлахъ своей страны и будутъ господствующей націей, то зато внѣ Польши, напр., въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ они составляютъ меньшинство, они будутъ угнетаемы.

Еще болѣе запутанъ вопросъ объ автономіи Кавказа. Кавказъ не представляетъ собой однородной области. Народности, населяющія Кавказъ, совершенно не похожи другъ на друга. Что общаго между дикимъ горцемъ-ингушомъ или лезгиномъ и грузиномъ или армяниномъ? Полагать, что областная автономія удовлетворительно разрѣшаетъ національный вопросъ на Кавказѣ, болѣе чѣмъ ошибочно. Въ автономномъ Кавказѣ національная вражда еще болѣе обострится и, можетъ быть, къ армяно-татарской рѣзнѣ присоединится еще новая рѣзня, лезгино-казацкая, или еще иная!

Въ Закавказьи это прекрасно понимаютъ а поэтому тамъ многіе требуютъ не автономію Кавказа, и Закавказья. Но и это рѣшеніе національнаго вопроса въ Закавказьи надо признать неудовлетворительнымъ. Въ закавказскомъ сеймѣ преобладать будутъ мусульмане. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что культурныя потребности грузинъ и армянъ не найдутъ себѣ поддержки въ средѣ мусульманскихъ представителей: имъ не будутъ даже понятны эти потребности. А между тѣмъ отъ нихъ всецѣло будетъ зависѣть судьба національныхъ интересовъ и грузинъ и армянъ, такъ какъ въ сеймѣ они будутъ составлять большинство.

Грузины-автономисты, исходя изъ того факта, что *почти* вся Грузія сплошь населена грузинами и что грузины въ культурномъ отношеніи опередили другія народности Закавказья, требуютъ автономію для Грузіи. Но вѣдь картина измѣняется только съ внѣшней стороны. Въ грузинскомъ автономномъ сеймѣ господствовать будутъ грузинскіе представители; но что же дѣлать русскимъ, армянамъ, мусульманамъ и горскимъ племенамъ? Вѣдь судьба ихъ національныхъ интересовъ будетъ зависѣть отъ доброй воли грузинскаго большинства? Но если мы не довѣряемъ „доброй волѣ" большинства въ центральномъ парламентѣ, то, конечно, оставаясь логичными, мы не должны довѣрять ей и здѣсь, въ автономномъ сеймѣ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что очень часто, требуя для своей территоріи автономію, отдѣльныя націи стремятся не только къ свободѣ своего народа, но и къ господству надъ другими, болѣе слабыми, народностями. Австрія представляетъ прекрасный примѣръ такихъ скрытыхъ желаній: тамъ каждая нація боролась за свою свободу, но въ то же время у себя на своей территоріи угнетала другія народности.

Но важнѣе всего то, что при автономіи Грузіи сама грузинская нація не получитъ возможности свободнаго культурнаго развитія. Грузины, живущіе внѣ Грузіи, всегда будутъ чувствовать національный гнетъ. Кто будетъ обращать вниманіе на культурныя потребности грузинъ въ Баку, Одессѣ и другихъ мѣстностяхъ? Если въ нихъ развито національное самосознаніе, если они желаютъ жить національной жизнью, то тогда имъ остается пріѣхать въ Грузію, такъ какъ внѣ автономной Грузіи ихъ культурно-національныя нужды не будутъ удовлетворены. Оказать же какое-либо давленіе на другіе автономные сеймы они не будутъ въ состояніи, такъ какъ внѣ Грузіи у нихъ нѣтъ никакой реальной силы.

Такимъ образомъ, если Россія превратится въ государство съ самой широкой автономіей областей, федеративно связанныхъ между собою, то и въ такомъ случаѣ не будетъ равноправія національностей, и не пре-

кратится господство одной націи надъ другою, и слѣдовательно, и тогда ни одна нація не будетъ имѣть возможности широко развернуть свои способности и свободно удовлетворять свои культурно-національныя потребности. Каждая нація, которая имѣетъ свою территорію, будетъ господствовать въ предѣлахъ этой территоріи, но та часть націи, которая будетъ жить въ другихъ областяхъ, будетъ угнетена, такъ какъ тамъ она будетъ составлять меньшинство населенія. А такимъ націямъ, у которыхъ вовсе нѣтъ никакой территоріи, какъ, напримѣръ, евреямъ и армянамъ, областная автономія ничего добраго не дастъ. Ихъ будутъ всюду, во всѣхъ автономныхъ областяхъ, угнетать, такъ какъ они всюду будутъ находиться въ меньшинствѣ.

Но областная автономія безъ огражденія въ то же время интересовъ отдѣльныхъ національностей имѣетъ и другую плохую сторону. Въ автономномъ сеймѣ вѣчно будетъ чувствоваться національная рознь и антагонизмъ, сеймъ обратится въ арену національныхъ столкновеній, и это будетъ тормазить культурное развитіе страны. Этого національнаго антогонизма должны бояться особенно тѣ, кто исповѣдуетъ ученіе соціализма.

Борьба и вражда между отдѣльными національностями всегда задерживали развитіе классоваго самосознанія того класса, который призванъ самой жизнью къ ниспроверженію буржуазнаго строя и утвержденію на землѣ царства свободы и равенства. Соціалисты должны такъ разрѣшить національный вопросъ, чтобы не было ни господствующей ни угнетенныхъ націи, ибо только такое рѣшеніе будетъ соотвѣтствовать интересамъ трудовыхъ слоевъ народа. Только при свободѣ и равноправіи націй возможно мирное и братское сожительство различныхъ народностей; только тогда рабочіе различныхъ націй, забывъ національную вражду, сольются въ одну великую и грозную соціалистическую армію.

III.

Выше я старался доказать, что ни областная автономія, ни федеративное устройство государства не могутъ обезпечить равноправія національностей, но *отсюда вовсе не слѣдуетъ*, что не нужно добиваться ни автономіи, ни федераціи. Я уже говорилъ, что федеративное устройство государства вытекаетъ изъ необходимости децентрализаціи законодательной власти. Въ федеративномъ государствѣ легче провести демократическія реформы, и поэтому пролетаріатъ и трудовое крестьянство должны стремиться къ такому строю.

Если бы всю русскую имперію отъ Японскаго моря до границъ Германіи, отъ Бѣлаго моря до рѣки Аракса населяла только *одна національность*, то и въ такомъ случаѣ сознательный трудовой народъ потребовалъ бы автономію для отдѣльныхъ областей.

При дѣленіи государства на автономныя области надо считаться главнымъ образомъ не съ тѣмъ, какая національность населяетъ данную территорію, а съ тѣмъ, представляетъ ли данная область въ экономическомъ и культурномъ отношеніи одно цѣлое. Если какая-нибудь область населена различными народностями, но въ экономическомъ отношеніи она представляетъ извѣстную единицу, то такой области должна быть предоставлена автономія.

Итакъ, широкая децентрализація законодательной власти, широкая автономія областей и общинъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, возможно большее приближеніе къ федеративному строю — все это есть требованія, которыя нужно выставить и бороться за ихъ осуществленіе въ интересахъ трудового народа. Но всѣ эти прекрасныя реформы, какъ уже было доказано выше, не могутъ гарантировать равноправіе національностей. Мы уже видѣли, что причина самой *возможности* существованія господствующихъ и угнетенныхъ народностей, заключается въ томъ, что не сама нація завѣдуетъ своими культурными дѣлами. Судьба на-

ціональныхъ туждъ находится въ самодержавномъ государствѣ въ рукахъ бюрократіи, въ централистической республикѣ или въ парламентской странѣ въ рукахъ большинства перламента, а въ федеративномъ государствѣ въ рукахъ большинства отдѣльныхъ сеймовъ. Во всѣхъ случаяхъ большинство будетъ принадлежать одной какой-нибудь націи, и это обстоятельство обезпечиваетъ ей господство надъ другими націями.

Но какъ же въ такомъ случаѣ осуществить равноправіе національностей, какъ сдѣлать, чтобы право на самоопредѣленіе не только фигурировало на бумагѣ основныхъ законовъ, но и было въ дѣйствительности проведено въ жизнь? Вопросъ распадается на двѣ части: во-первыхъ, должно установить, въ чемъ это самоопредѣленіе заключается, или, иначе говоря, какія права должны быть гарантированы націямъ, и во-вторыхъ, кто будетъ осуществлять эти права, т.-е., кто является субъектомъ національныхъ правъ.

Какую цѣль преслѣдуемъ мы при рѣшеніи національнаго вопроса? Единственно и исключительно: полное уничтоженіе какихъ бы то ни было проявленій гнета и насилія надъ совѣстью и духовнымъ самоопредѣленіемъ человѣка, огражденіе свободы личности какъ отдѣльнаго гражданина, такъ и группы лицъ, свободы, которая кончается только тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Если мы говоримъ, что нельзя ограничиться голымъ постулированіемъ права на самоопредѣленіе, и требуемъ указанія на тѣ положительныя мѣры, которыми права эти будутъ гарантированы, то вѣдь и во всѣхъ другихъ случаяхъ мы стремимся положительными мѣрами оградить права личности (неприкосновенность жилища, подсудность должностныхъ лицъ и т. д.). Изъ этого однако нисколько не слѣдуетъ, что соціалистическія партіи должны включить въ число своихъ задачъ творческое участіе въ развитіи національности. Въ этомъ смыслѣ глубоко неправъ Х. Житловскій, который въ своей брошюрѣ „Соціализмъ и національный вопросъ“, первоначально отпечатанной для агитаціи среди австрійскихъ соціалистовъ передъ Брюннскимъ съѣздомъ партіи, сочув-

ственно цитируетъ слова Брандеса, что „на насъ (т.-е. на датчанахъ, но это справедливо и для всякаго другого народа), лежитъ *національный* долгъ защищать нашъ языкъ и сдѣлать все, отъ насъ зависящее въ пользу того, чтобы этотъ языкъ не потерялъ ни одного дюйма своей территоріи", и съ своей стороны предлагаетъ соціалистическимъ партіямъ „вызвать къ жизни *національное* движеніе въ пользу возрожденія народнаго языка и дать это новое знамя въ руки тѣхъ самыхъ трудящихся массъ, во имя интересовъ которыхъ они работаютъ" (стр. 76—77). Такого рода задачи ничего общаго съ соціализмомъ не имѣютъ: если существуетъ такое національное стремленіе къ возрожденію, мы должны оградить свободу его развитія и осуществленія, но вовсе не вызывать его къ жизни и принимать въ немъ участіе. Это, какъ и религія, частное дѣло каждаго. Мы отнюдь не думаемъ, что „*царство свободы есть царство національнаго*" (ibid, 66), и если бы свободное духовное развитіе народовъ совершалось иными путями, не путями національной культуры, ни дѣло соціализма, ни интересы человѣчества ничего бы отъ этого не потеряли,

Итакъ, въ національномъ вопросѣ мы преслѣдуемъ только интересы огражденія свободы. При осуществленіи общедемократическихъ требованій соціалистическихъ партій, а особенно равноправія всѣхъ гражданъ, исчезнутъ всѣ тѣ формы національнаго гнета, при которыхъ отдѣльный гражданинъ терпитъ ущербъ въ своихъ правахъ вслѣдствіе принадлежности своей къ этой или иной націи. Необеспеченнымъ можетъ оказаться лишь удовлетвореніе *культурныхъ* интересовъ націи, такъ какъ господствующія народности, пользуясь своимъ большинствомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ—сеймахъ или парламентахъ, могутъ пренебречь чуждыми имъ культурными интересами народностей, находящихся въ меньшинствѣ, и т. о. подавлять послѣднія. Рудольфъ Шпрингеръ (Синоптикусъ), австрійскій изслѣдователь національнаго вопроса, въ рядѣ другихъ національныхъ правъ считаетъ необходимымъ и право націи назначенія чиновниковъ

на должности: „каждая нація хочетъ быть управляема своими сочленами; она отвергаетъ господство чужихъ“. Но Шпрингеръ исходитъ изъ даннаго положенія вещей въ Австріи, гдѣ назначеніе на должности составляетъ прерогативу короны, и онъ требуетъ соучастія націй въ этомъ правѣ. Если же мы примемъ съ одной стороны, что будетъ широко осуществимъ демократическій строй, вплоть до демократической республики, съ широко проведенными началами автономіи и федераціи, съ равноправіемъ всѣхъ гражданъ, съ выборностью, смѣняемостью и подсудностью всѣхъ должностныхъ лицъ и правомъ каждаго пользоваться роднымъ языкомъ во всѣхъ мѣстныхъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, а съ другой, что та область, въ которой возможно подавленіе національности, область ея культурныхъ интересовъ, будетъ всецѣло находиться въ ея рукахъ, вопросъ о правѣ націй на отдѣльное участіе въ назначеніи чиновниковъ теряетъ всю свою важность.

Шпрингеръ, а вслѣдъ за нимъ и еврейская рабочая соціалистистическая партія въ Россіи, выставляютъ еще, хотя бы въ смыслѣ реальности (Житловскій даже, какъ conditio sine qua non всякаго здороваго, безпрепятственнаго и независимаго прогресса каждаго отдѣльнаго народа), право національности на свою территорію. Но разъ мы вообще стремимся къ автономно-федеративному строю государства, то у насъ нѣтъ основанія добиваться непремѣнно для каждой національности отдѣльной территоріи. Гдѣ въ какой-либо области въ огромной мѣрѣ преобладать одна какая-либо нація, тамъ совпадутъ территоріальная и національная автономія, т.-е., кромѣ отдѣльныхъ національныхъ сеймовъ, нація совершенно случайно будетъ имѣть и свою территорію, чего добивается, напр., Х. Житловскій, но что мы отнюдь не считаемъ необходимымъ включить въ число нашихъ требованій. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ намъ важно заботиться не о національно территоріальной автономіи, а о томъ, чтобы были ограждены культурные интересы народностей, составляющихъ въ данной области меньшинство.

Мы установили. такимъ образомъ, какія права націи должны быть особо ограждены, это—культурно-національныя права.

Кто является субъектомъ національныхъ правъ? Здѣсь долженъ быть проведенъ принципъ: упорядоченіе и удовлетвореніе интересовъ должно быть отдано въ руки самихъ заинтересованныхъ. Недостаточно установить право каждаго получать образованіе на родномъ языкѣ. Такой законъ предоставлялъ бы, пожалуй, административнымъ органамъ, напр. министерству народнаго образованія, или органамъ самоуправленія опредѣленныя полномочія для приведенія его въ исполненіе, но не давалъ бы еще гарантіи въ томъ, что онъ дѣйствительно будетъ исполненъ. Дѣйствительно, обезпечена въ удовлетвореніи своихъ культурныхъ интересовъ нація можетъ быть только тогда, когда этимъ дѣломъ будетъ завѣдывать она сама. Но что же такое нація? Ни антропологически, ни какимъ-либо другимъ научнымъ способомъ точно опредѣлить это понятіе не представляется возможнымъ. Ни для одной націи нашего времени мы не могли бы установить единства происхожденія или единства исторической традиціи, языка, культуры. И все-таки потребность въ удовлетвореніи національно-культурныхъ интересовъ существуетъ. Только съ ней мы должны считаться, и потому къ націи мы должны причислить всѣхъ тѣхъ, кто самъ себя къ ней причисляетъ, кому общи съ другими одинаковые культурно-національные интересы языка, литературы и другихъ областей національнаго творчества. Но для того, чтобы использовать свои права, націи должны быть организованы, имѣть свои представительныя учрежденія, національные сеймы, вѣдающіе удовлетвореніе интересовъ національной культуры.

Итакъ, субъектами національныхъ правъ являются сами же націи, т.-е. всѣ граждане, которые причисляютъ себя къ данной націи, организованные для удовлетворенія своихъ культурно-національныхъ интересовъ при посредствѣ своихъ представительныхъ учрежденій—національныхъ сеймовъ. Именно такое рѣше-

ніе національнаго вопроса даетъ партія соціалистовъ-революціонеровъ [1]).

„Въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ,—гласитъ партійная программа,—право каждой національности на пропорціональную своей численности долю въ бюджетѣ, предназначенномъ на культурно-просвѣтительныя цѣли, и распоряженіе этими средствами на *началахъ самоуправленія*". Разъяснимъ этотъ пунктъ программы. Мы знаемъ, что власти собираютъ съ населенія подати. Часть этихъ денегъ идетъ на культурно-просвѣтительныя цѣли. Вотъ эту-то часть, если осуществится программа соціалистовъ-революціонеровъ, областной сеймъ будетъ обязанъ раздѣлить между всѣми народностями, населяющими данную область пропорціонально ихъ количеству. Каждая народность, получивъ справедливую долю, употребитъ ее такъ, какъ ей самой угодно. Она будетъ имѣть свою особую національную организацію, которая и будетъ завѣдывать культурно-національными дѣлами своего народа. Если часть этой націи живетъ и въ другихъ областяхъ, то и тамъ она получитъ то же. Тогда та часть націи объединится съ этой, эта съ третьей, и въ концѣ концовъ, получится такая картина: всѣ націи на протяженіи всей Россіи будутъ объединены въ свои національныя организаціи; каждая нація будетъ имѣть свой собственный національный сеймъ, который и будетъ руководить культурной жизнью своего народа. Національная вражда при такомъ рѣшеніи вопроса не будетъ больше имѣть подъ собой почвы ни въ центральномъ парламентѣ, ни въ мѣстныхъ автономныхъ сеймахъ, такъ какъ культурно-національныя дѣла будутъ изъяты изъ вѣдѣнія этихъ органовъ управленія, и будутъ находиться *исключительно* въ рукахъ самой націи. Конечно, національный сеймъ не будетъ считаться ни съ какой территоріей; онъ будетъ дѣйствовать сообразно куль-

---

[1]) „Бундъ" уже давно пропагандировалъ необходимость такой постановки вопроса, но, выставляя требованіе культурно-національной автономіи, къ сожалѣнію „Бундъ" не придаетъ должнаго значенія областной автономіи и федераціи и даже высказывается противъ этихъ требованій.

турнымъ потребностямъ своего народа: оснуетъ тѣ или иныя національныя учрежденія тамъ, гдѣ въ этомъ есть надобность. Если та доля денегъ, которую получитъ нація—недостаточна, тогда нація можетъ обложить самое себя.

При такомъ рѣшеніи вопроса наряду съ федераціей автономныхъ областей вырастетъ федерація національностей на почвѣ культурныхъ интересовъ. Если раньше мыслимо было, что въ парламентѣ или въ мѣстныхъ сеймахъ буржуй и рабочій, объединившись вмѣстѣ на почвѣ національныхъ интересовъ, могутъ выступить противъ буржуя и рабочаго другой народности, то послѣ осуществленія программы соціалистовъ-революціонеровъ этого быть не можетъ, потому что въ этомъ случаѣ парламентъ и сеймъ перестанутъ быть ареной для національныхъ столкновеній. Противорѣчія классовыхъ интересовъ послѣ уничтоженія національнаго гнета и осуществленія равноправія національностей обнаружатся, какъ нельзя болѣе ярко, внутри каждой націи, и мы увидимъ въ парламентахъ не союзъ буржуа и рабочихъ одной націи противъ буржуевъ и рабочихъ другой, а союзъ рабочихъ всѣхъ народностей противъ буржуа всѣхъ народностей: парламенты превратятся въ арену чистой классовой борьбы. Исходя изъ этихъ соображеній соціалисты-революціонеры стремятся къ уничтоженію національнаго гнета и къ равноправію національностей; на своемъ соціалистическомъ знамени они пишутъ: для областей широкая областная автономія, а для національностей культурно-національная автономія.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на то, что многіе выдающіеся западно-европейскіе соціалисты рѣшаютъ національный вопросъ вышеуказаннымъ образомъ. Австрійская соціалъ-демократія требуетъ внѣтерриторіальной автономіи національностей. По мнѣнію извѣстнаго нѣмецкаго соціалиста Карла Каутскаго только такое рѣшеніе національнаго вопроса выгодно рабочему классу. Австрія въ культурномъ отношеніи отстала отъ другихъ европейскихъ странъ только потому, что тамъ различныя народности ведутъ между собой

упорную борьбу. Эта національная распря задерживаетъ ростъ классоваго самосознанія рабочихъ, и поэтому австрійскіе соціалисты желаютъ добиться въ своей странѣ равноправія національностей. Но когда можно достигнуть его? Каутскій на это отвѣчаетъ: только при федерализмѣ національностей. „Прочь, восклицаетъ онъ: весь феодальный хламъ государственнаго права, которое еще ставитъ въ невозможное положеніе національныя движенія, прочь территоріальныя границы, которыя раздробляютъ отдѣльныя націи, прочь границы, которыя сковываютъ между собою различныя націи и возбуждаютъ къ ненависти и враждѣ націи, совмѣстная работа которыхъ при взаимной свободѣ и равноправіи могла бы сдѣлать Австрію однимъ изъ первыхъ культурныхъ государствъ, борьба же которыхъ препятствуетъ всякому прогрессу“ *).

Какъ глубоко вникнулъ Каутскій въ національный вопросъ, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Рабочій классъ нуждается въ разрѣшеніи національнаго вопроса, такъ какъ только тогда, когда государство королевствъ и земель замѣнится государствомъ національностей, которыя автономно будутъ жить рядомъ и совмѣстно работать, только тогда можетъ проявиться классовая борьба пролетаріата (я бы сказалъ трудового народа, Ш. Г.) въ своемъ чистомъ видѣ. Самостоятельность націи является естественно необходимой предпосылкой всякой современной классовой борьбы; народъ долженъ быть свободнымъ во всѣхъ отношеніяхъ— лишь тогда рабочій классъ выступитъ противъ своего соціальнаго врага во всеоружіи. Рабочій классъ для своего нормальнаго и всесторонняго развитія нуждается въ независимости своей націи *не менѣе, чѣмъ во всеобщемъ избирательномъ правѣ, въ свободѣ собраній и печати*“. Глубоко правдивыя слова! Совѣтуемъ русскимъ соціалъ-демократамъ хорошенько вникнуть въ

*) Какъ видимъ, Каутскій и австрійская соціалъ-демократія рѣшаютъ національный вопросъ независимо отъ территоріи. Но это вовсе не значитъ, что они не признаютъ областной автономіи. Они только разграничиваютъ областной вопросъ отъ національнаго и рѣшаютъ послѣдній независимо отъ перваго.

ихъ смыслъ. Если не соціалисты-революціонеры, то по крайней мѣрѣ такіе выдающіеся марксисты, какъ Каутскій, научатъ ихъ серьезно отнестись къ національному вопросу. Можетъ быть, тогда они поймутъ всю недостаточность „принципіальнаго заявленія“ партіи о томъ, что она стоитъ за самоопредѣленіе націй и противъ національнаго гнета! Понявъ, какъ необходимо для рабочаго класса урегулированіе національнаго вопроса, можетъ быть русская соціалъ-демократія вмѣсто туманныхъ фразъ о самоопредѣленіи, выработаетъ, наконецъ, точную и ясную программу.

Но и для каждой соціалистической партіи представляется настоятельно необходимымъ обратиться къ серьезной и широкой разработкѣ этого сложнаго вопроса. Обратить вниманіе на всю важность его было задачей настоящей статьи.

Ш. Горцевъ.

Къ характеристикѣ современнаго парламентаризма.

Никогда еще соціалистическое ученіе не достигало такого широкаго распространенія, какъ въ настоящее время. Оно не только проникаетъ въ широкіе круги рабочихъ массъ, но и пріобрѣло гражданство почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы. И господствующіе классы не только мирятся съ существованіемъ соц. партій, а и признаютъ за ними право на участіе въ управленіи государственными дѣлами и на руководительство рабочимъ классомъ. Такимъ образомъ мы видимъ соціалистическихъ представителей почти во всѣхъ парламентахъ. Число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ. Соціализъ завоевываетъ себѣ міръ, приближается къ торжеству и побѣдѣ,—такъ писалось не разъ въ партійныхъ органахъ, особенно въ нѣмецкихъ, причемъ всегда подчеркивали завоеванія въ области политической. Но, чтобы правильно оцѣнить эти завоеванія, необходимо взвѣсить ихъ со всѣхъ сторонъ,—указать, какими жертвами они были куплены, какъ измѣнилось внутреннее содержаніе соц. партій и какое направленіе онѣ получили.

Прежде всего приходится отмѣтить, что съ момента вступленія соц. партій на парламентскій путь борьбы, начинается новая эра въ жизни партій, эра суженія, урѣзыванія ихъ программъ и измѣненія ихъ тактики. По мѣрѣ того, какъ партіи завоевывали новыя мѣста въ парламентахъ, ихъ программы обезцвѣчивались не только на бумагѣ, конечно, а въ умахъ и въ сознаніи рабочихъ массъ. Вмѣсто революціонныхъ программъ Бланки и коммунаровъ, французскіе соціалисты стали

выставлять на своихъ знаменахъ болѣе робкія требованія мелкихъ реформъ; стали сводить почти всю подготовительную работу къ парламентской предвыборной агитаціи. То же приходится сказать и о германской соціальдемократіи, которая свела свою дѣятельность къ парламентской критикѣ съ одной стороны, съ другой— къ борьбѣ „со скрещенными руками“ и за скрещенные интересы нѣмецкихъ аграріевъ и городскихъ рабочихъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ пояснить, что значитъ скрещенные интересы: это та позиція, на какую стала соціальдемократія по отношенію къ крестьянству, предоставивъ его въ полное обладаніе крупныхъ землевладѣльцевъ, вмѣсто того, чтобы привлечь на свою сторону.

Таковы перемѣны, такъ сказать, программнаго характѣра. Конечно, сообразно съ ними, должны были произойти измѣненія и въ тактикѣ, которая изъ революціонной превратилась въ эволюціонную. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли строить баррикады и умирать на нихъ за то, чтобы добиться повышенія заработной платы на 10—15%? Стоитъ ли возставать за сокращеніе рабочаго дня на 1—1½ часа или за удаленіе грубаго администратора? Можно ли говорить объ активной борьбѣ съ буржуазнымъ строемъ, когда въ основу самаго ученія о соціализмѣ положенъ фатальный, естественный, ходъ расчлененія общества на два класса, капиталистовъ и работниковъ, и столь же фатально-неизбѣжное пришествіе въ свое время соціализма, выношеннаго капитализмомъ? Ставить борьбу за соціалистическій строй въ полную зависимость отъ такого расчлененія— это значитъ отказаться отъ соціализма, отказаться и отъ революціонныхъ средствъ борьбы. Такъ въ сущности и поступила германская соціальдемократія, а за нею—и другія.

Буржуазные классы могли ихъ только привѣтствовать, стараясь удержать на почвѣ легальности и законности. Буржуазія готова даже уступить имъ нѣсколько ноныхъ мѣстъ въ парламентѣ, готова признать за рабочими право стачекъ, союзовъ, собраній и т. д.,—больше того, она даже соглашается на различные фабрич-

ные законы. Все это, допустимъ, плюсы, этого никто не можетъ оспаривать. Но объ этихъ плюсахъ такъ много писалось и въ буржуазной и въ соціалистической печати, что рабочая масса получила больше усыпленія отъ этихъ восхваленій, чѣмъ отъ самихъ реформъ. Дѣйствительно, о своихъ успѣхахъ соціальдемократія звонила во всѣ колокола, но слишкомъ мало обращала вниманія на недостатки своей работы и не признавала своихъ ошибокъ ни въ тактикѣ, ни въ программѣ. Стоитъ только заглянуть въ партійную литературу, прочесть рѣчи, произносимыя соціальдемократическими вождями на митингахъ, въ парламентахъ, —вездѣ мы натолкнемся на восторгъ, на самообольщеніе. Сколько написано восторженныхъ статей о томъ, что германская соціальдемократія имѣетъ 3 милл. избирателей и болѣе 80 чел. депутатовъ! Статистика несомнѣнно дѣло хорошее; но можетъ ли она улучшить положеніе рабочихъ, можетъ ли хоть на шагъ приблизить ихъ къ соціализму,—вотъ въ чемъ вопросъ. Парламентская же статистика имѣетъ характеръ чисто внѣшній, это мишурный блескъ, которымъ прикрыта внутренняя пустота, внутренніе недуги и изъяны. Только освободившись отъ этихъ изъяновъ и заполнивъ пустоту внутреннимъ содержаніемъ, можно идти къ соціализму. Безъ этого, какъ бы широко ни разлилось соціал. ученіе, оно врядъ ли что-либо существенное дастъ рабочему классу.

Какъ было уже указано, вступая на парламентскій путь, соц. партіи урѣзали свои программы и тактику, торжественно заявивъ, что осуществленіе соціализма есть дѣло весьма далекаго будущаго, о которомъ позволительно думать только утопистамъ и фантазерамъ. Этимъ какъ бы заключался ими молчаливый союзъ съ буржуазнымъ строемъ. Въ самомъ дѣлѣ, буржуазія вѣдь тоже не прочь признать соціализмъ въ отдаленномъ будущемъ. Она равнодушно выслушинаетъ бурныя рѣчи въ парламентахъ, терпитъ ихъ и на многочисленныхъ рабочихъ митингахъ и въ соціалист. печати,—словомъ, охотно допускаетъ подкапываться подъ себя. Можно подумать, что она такъ глупа и недальновидна,

что не въ состояніи понять глубокаго смысла марксистскаго ученія. Можетъ быть, такъ о ней и думаютъ соціальдемократическіе вожди; но въ послѣднемъ-то счетѣ получается какъ разъ наоборотъ. Усадивъ соціальдемократическихъ представителей въ парламентскія кресла, она заставила ихъ согласовать свои дѣйствія, свое поведеніе съ ея поведеніемъ и политикой. Она оторвала вождей отъ задачъ революціи и привела къ безсилію и вождей и массы. Вожди заняты своей парламентской работой или борьбой, какъ принято говорить; на революціонную же работу у нихъ нѣтъ ни времени, ни соотвѣтствующихъ условій, а главное —нѣтъ и не можетъ быть настроенія. Рабочая масса, предоставленная самой себѣ, прислушивается къ тому, что говорятъ ея верхи, и ожидаетъ отъ нихъ всякихъ благъ. Тѣ и другіе спокойно сидятъ на законномъ основаніи, не смѣя подталкивать другъ друга: парламентская борьба, дескать, этого не допускаетъ, иначе буржуазія вышвырнетъ руководителей соціальдемократіи изъ стѣнъ парламента. Разъ допущенъ въ парламентъ, то и борись *только* парламентскими средствами, ни къ какимъ другимъ средствамъ не прибѣгай.

Таковы условія буржуазіи, и соціальдемократы ихъ приняли. Въ этомъ-то и кроется весь секретъ, котораго ихъ мудрые вожди не могли раскрыть. Дѣло въ томъ, что, навязавъ соціалистамъ парламентскій мирный способъ борьбы, сама-то буржуазія не отказалась ни отъ одного изъ насильственныхъ средствъ. Не говоря уже о капиталахъ, она оставила за собой и войска, и полицію, жандармерію, оставила вооруженную силу, готовую по первому требованію вымостить трупами рабочихъ всѣ улицы и бросить сотни тысячъ рабочихъ въ тюрьму и куда угодно. А эти средства никто не въ правѣ назвать мирными, парламентскими. Солдатскія пули, пушки, пулеметы, полицейскіе револьверы и шашки она оставила при себѣ, что же она предоставила соціалистамъ? Она имъ подарила единственное средство: наполнять зало парламента звуками красивыхъ рѣчей и напыщенныхъ фразъ, отъ которыхъ ни у одного буржуа не можетъ лопнуть даже барабанная

перепонка. Средство, очевидно, мирное,—но соотвѣтствуетъ ли оно пушкамъ и пулеметамъ? Между тѣмъ соц. вожди, попавъ въ парламентъ, вообразили, что теперь они при равныхъ средствахъ борьбы. И что хуже всего—это убѣжденіе они успѣли не только привить, но и внѣдрить въ широкія рабочія массы.

Буржуазія зло насмѣялась надъ главарями соціальдемократіи, вручивъ имъ картонные мечи, а у себя оставивъ булатъ, предоставивъ защиту рабочихъ интересовъ словоизверженіямъ и предпочитая свои интересы защищать пушками и штыками. Имѣя наготовѣ такія средства, буржуазія нисколько не боится „затемнить свое классовое сознаніе, отвлечься отъ своихъ собственныхъ интересовъ“. Но почему-то этого страшно боятся апостолы и передовые защитники соціализма, хотя имъ-то прежде всего и болѣе всего слѣдовало бы помнить такое правило: никакая соціалистическая партіи, въ какой бы она парламентъ ни вступала, не имѣетъ права отказываться отъ революціонныхъ средствъ борьбы до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ буржуазіи остаются пушки, ружья, штыки, пока въ ея распоряженіи находится полиція, армія и жандармерія. Это правило должны помнить не только вожди соц. партій, но и всякій борющійся за интересы рабочихъ, за общечеловѣческое счастіе,—не считаясь съ буржуазной логикой законности. Тамъ, гдѣ одна воюющая сторона имѣетъ въ своемъ распоряженіи насильственныя средства, другая имѣетъ полное право употреблять противъ нея таковыя же. Отказываться отъ нихъ значитъ совершать преступленіе противъ соціализма. И нечего бояться лицемѣрнаго крика буржуазіи,—ей, конечно, выгодно указывать на преступность революціонныхъ средствъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ таковыхъ же, находящихся въ ея распоряженіи. Исторія показала, какъ буржуаія, когда это ей нужно, забрасываетъ парламентскій путь и дѣйствуетъ противъ рабочихъ огнемъ и мечомъ. Ей выгодно было стараться превратить парламентаризмъ въ глазахъ рабочихъ массъ въ своего рода храмъ и новый культъ и замѣнить такимъ образомъ активность слѣпой вѣрой. И ей почти удалось вырвать изъ мозолистыхъ рукъ

оружіе, подмѣнивъ его безсильнымъ перомъ въ рукахъ соц. депутатовъ. Эти послѣдніе, къ сожалѣнію, сыграли въ руку буржуазіи, не поддерживая въ массахъ сознанія того, что онѣ только тогда достигнутъ осязательныхъ, а не мнимыхъ результатовъ, когда будутъ всегда на готовѣ съ оружіемъ въ рукахъ поддержать требованія своихъ депутатовъ. Это сознаніе остановлено именно тѣмъ, что парламентаризмъ превращенъ въ своего рода культъ, а соц. депутаты—въ какія-то божества, которымъ вручена судьба рабочихъ, на которыхъ покоятся всѣ надежды и упованія, — точь-въ-точь какъ это было когда-то съ упованіемъ на Бога, затѣмъ на царей и добрыхъ правителей. У царей была сила, но не было желанія, у депутатовъ, можетъ быть, есть желаніе, но нѣтъ силы и не можетъ быть ея до тѣхъ поръ, покаони не перестанутъ убивать въ рабочихъ стремленіе къ активной борьбѣ. Сознаніе необходимости такой борьбы должно развиваться и крѣпнуть. До тѣхъ же поръ, сколько ни распинайся они въ парламентахъ, сколько ни громи буржуазію,—ни одинъ солдатъ, ни одинъ полицейскій не послушается ихъ, не пойдетъ защищать рабочихъ, какъ бы тѣ правы ни были.

Все это такъ ясно и очевидно; и несмотря на это, почему-то сложилось преувеличенное мнѣніе о значеніи соц. депутатовъ. Буржуазіи только того и было нужно. Она знала, что рабочая масса, подавленная вѣчною заботою о заработкѣ, о кускѣ, не сразу пойметь безсиліе своихъ вождей и, въ ожиданіи отъ нихъ будущихъ благъ, останется бездѣятельной. А вожди рабочихъ—увы!—съ этимъ мало считаются, упоенные ростомъ партіи, количествомъ голосующихъ за нее избирателей, въ числѣ которыхъ не мало подлинныхъ буржуазныхъ элементовъ. Они сплошь и рядомъ, вступивъ въ парламентъ, теряютъ свой революціонный темпераментъ, пропитываются парламентской атмосферою, отступаютъ отъ своихъ прямыхъ задачъ и превращаются въ простыхъ говоруновъ. Какъ часто слово кажется имъ дѣломъ, фразы—революціей! И даже такіе умные, искренніе и преданные рабочему дѣлу депутаты, какъ Бебель,—говорятъ: „мы революцію совершимъ со скрещенными

руками". Эти слова полны самодовольства, но полны и трагизма. Хотѣлось бы видѣть Бебеля во время революціи со скрещенными руками передъ лѣсомъ штыковъ, сотнею пушекъ и пулеметовъ! Но не въ этомъ дѣло. Трагизмъ заключается въ томъ, что подобными фразами усыпляется революціонный духъ массъ, устраняется всякая мысль объ активной борьбѣ, о подготовкѣ къ ней,—словомъ, ведется игра на руку буржуазіи. Въ этомъ ея побѣда, ея успѣхъ, которыми она сторицею вознаградила себя за жалкія уступки, въ родѣ свободы стачекъ (вѣрнѣе—свободы голодать), свободы союзовъ съ намордникомъ и т. д. Этими успѣхами она отдалила свое паденіе, можетъ быть, на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всеобщая стачка признана невозможной и вредной, частичныя же съ каждымъ годомъ теряютъ свое значеніе, потому что носятъ характеръ борьбы со скрещенными руками. И среди самихъ рабочихъ къ нимъ замѣчается охлажденіе. Какія же новыя средства борьбы предлагаются „пролетаріату"? Никакихъ. Буржуазія сумѣла оскопить мысль соціалистическихъ апостоловъ Запада. Ни въ программѣ, ни въ тактикѣ они не сдѣлали ни малѣйшаго шага впередъ. Вся изобрѣтательность ихъ не пошла далѣе разработки вопросовъ о производствѣ и перепроизводствѣ, объ успѣхахъ капитализма и чистотѣ догмы. О пресловутой буржуазности крестьянъ, о концентраціи капитала, объ историческомъ и діалѣктическомъ матеріализмѣ испачкано столько бумаги, сочинено столько томовъ, что можно покрыть этой бумагой чуть ли не половину поверхности земного шара. И если бы вздумали коротко резюмировать мысли всѣхъ этихъ сочиненій, то пришлось бы сказать только слѣдующее. Первая мысль: ортодоксальная соціальдемотратія — единственная соціалистическся партія; 2—что ближайшая революція будетъ буржуазной революціей, т.-е. что рабочіе борются въ интересахъ буржуазіи, и 3, что пролетаріатъ единственный носитель соціализма, т.-е. имѣетъ монополію на соціализмъ: кромѣ пролетаріата никто не обладаетъ способностью быть истиннымъ соціалистомъ, а значитъ

и поборникомъ его. И такъ какъ успѣхи пролетаріата зависятъ и опредѣляются количествомъ и качествомъ его силъ, то прежде всего надо наплодить какъ можно болѣе пролетаріевъ, затѣмъ поднять ихъ умственный и нравственный уровень; надо чтобы ихъ численность была больше численности всѣхъ другихъ классовъ. Первая задача—не дѣло соціалистическихъ партій, и въ этомъ отношеніи онѣ ничего не сдѣлали и не могутъ сдѣлать. Значитъ, этотъ вопросъ приходится предоставить на волю судебъ и на усмотрѣніе буржуазіи. Что же касается подъема умственнаго и нравственнаго уровня пролетаріата, то въ этомъ смыслѣ сдѣлано не больше. Здѣсь приходится отмѣтить даже нѣкоторую отрицательную работу—это безмѣрное восхваленіе пролетаріата, признаніе только за нимъ однимъ высшаго общественнаго инстикта. Это прославленіе, какъ морфій, отравляло пролетаріатъ, погружая его въ пріятныя грезы и закрывая его глаза на страшную дѣйствительность въ многомилліонномъ крестьянствѣ, которое онъ долженъ былъ бы давно привлечь себѣ въ союзники. Здѣсь мы должны признать такую же переоцѣнку пролетаріата, какъ и переоцѣнку роли парламентской дѣятельности.

На благодѣтельную роль концентрирующагося капитала приходится также взглянуть иначе, нежели смотрятъ соціальдемократы, т.-е., какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ, внимательнѣе присмотрѣться и строже оцѣнить вредныя стороны капитализма. Мнѣ думается, что и вообще полезнѣе разсуждать не о томъ, что хорошо, а о томъ что плохо, не о томъ, что намъ полезно, а что *вредно*, — тогда будутъ скорѣе отысканы средства устранить это *вредное*. Соціалисты борются противъ зла, которое всегда стоитъ у нихъ впереди, заграждая дорогу. Добро же остается всегда позади, какъ нѣчто уже завоеванное тѣмъ или другимъ поколѣніемъ. Сколько бы мы ни кричали о пріобрѣтенныхъ благахъ, отъ этого они не возрастутъ ни на одну крупицу. Къ сожалѣнію, соціалистическія партіи объ этомъ часто забываютъ, особенно забываютъ тѣ, которыя возлагаютъ слишкомъ большія надежды

на концентрацію капиталовъ. Да, они концентрируются и въ весьма опасномъ смыслѣ для рабочихъ. Благодаря усовершенствованію машинъ, благодаря повторяющемуся переполненію рынковъ товарами и росту посредническаго элемента между капиталистами и потребителями, капиталисты становятся все въ большую и большую независимость отъ рабочихъ. Къ стачкамъ, устраиваемымъ рабочими, теперь стали прибѣгать и капиталисты, выбрасывая на улицу десятки тысячъ рабочихъ. И эти буржуазныя стачки съ каждымъ годомъ повторяются чаще и чаще. Когда же это средство не помогаетъ, къ услугамъ капиталистовъ одно изъ концентрированныхъ производетъ — это производство усовершенствованнаго оружія: дальнобойныхъ пушекъ, ружей и пулеметовъ, съ помощью которыхъ десятокъ вымуштрованныхъ солдатъ въ нѣсколько минутъ можетъ обратить десятокъ тысячъ рабочихъ въ окрошку. И это преступное производство буржуазія хорошо оцѣнила. На него она не жалѣетъ никакихъ средствъ, прикрываясь прозрачной вуалькой, что оно необходимо на случай войны съ внѣшнимъ врагомъ, въ глубинѣ же души разумѣя подъ этимъ войну противъ трудящихся классовъ.

Да, буржуазія—не въ примѣръ парламентскимъ соц. партіямъ умѣетъ отстаивать свои интересы, умѣетъ выбирать средства, не гонясь за красивыми фразами о скрещенныхъ рукахъ. Она запасается всѣми истребительными средствами даже тогда, когда ей ничѣмъ другимъ, кромѣ упомянутыхъ фразъ, не грозятъ. Вооружаясь пушками, пулеметами, трехлинейными ружьями, она въ то же время ведетъ свою агитацію въ арміи, среди молодыхъ и старыхъ солдатъ, среди полчищъ полиціи, сыщиковъ и жандармеріи, и жестоко караетъ саціалистическую пропаганду въ войскахъ. Парламентскій соціализмъ мирится съ этимъ, какъ съ должнымъ. Замѣчательный примѣръ дала въ этомъ году республиканская Франція. Тамъ антимилитаристъ Hervè съ товарищами былъ приговоренъ къ четырехлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ только за то, что выпустилъ прокламацію къ войскамъ, призывая солдатъ не стрѣ-

лять въ рабочихъ. И ни одна изъ соціалистическихъ фракцій не протестовала противъ этого. Приведенный примѣръ даетъ яркую картину того, насколько буржуазный строй порабощаетъ, сковываетъ мысль: даже люди, борющіеся за справедливость противъ насилія, сами совершаютъ насиліе, идутъ противъ себя. Кому же было протестовать, какъ не французскимъ соціалистамъ, противъ такого вопіющаго насилія и неправды? Но они молчали и тѣмъ подписались вмѣстѣ съ буржуазіей подъ вынесеннымъ приговоромъ. Между тѣмъ рано или поздно, а имъ самимъ предстоитъ обратиться къ работѣ Hervé, если они не измѣнятъ соціализму.

Какъ это ни странно, но творческая мысль парламентскаго соціализма не пошла, въ сущности, дальше 8-часового рабочаго дня, о которомъ къ тому же разсуждаютъ больше въ видѣ пожеланій, да нѣкоторыхъ ничтожныхъ фабричныхъ реформъ. И это почти за полстолѣтіе. Сорокъ лѣтъ прошло съ того момента, когда провозглашенъ былъ 8-мичасовой рабочій день, но до сихъ поръ въ цѣломъ онъ не введенъ ни въ одной странѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что безъ боя буржуазія не допуститъ его. Если же и уступитъ паче чаянія, то постарается сдѣлать это такъ, что рабочіе мало выиграютъ отъ него. А что долженъ дѣлать въ этомъ случаѣ рабочій кассъ? Какія перспективы рисуютъ передъ массами ея вожди? Все тѣ же скрещенныя на грудь руки, да... празднованіе 1-го мая, —парадъ, потерявшій уже свою прелесть...

Нужно признать, что буржуазія отстаиваетъ свои интересы гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе. Она не боится тратить никакихъ средствъ для того, чтобы навязать свои интересы всѣмъ слоямъ общества, и хорошо понимаетъ интернаціонализмъ капитала. И въ то время, когда соціалисты пока больше говорятъ объ интернаціональномъ соціализмѣ, буржуазія дѣятельно проводитъ идею интернаціональнаго капитала въ жизни. Съ какою смѣлостью и даже цинизмомъ совершаются хотя бы внѣшніе займы господствующими классами въ счетъ будущихъ поколѣній и въ интересахъ международной буржуазіи! Какіе международ-

ные торговые договоры заключаетъ она, нисколько не боясь затемнить свое сознаніе! Словомъ, всѣми способами и средствами она старается опутать рабочій классъ, окружая его растущимъ съ невѣроятною быстротою числомъ своихъ сторонниковъ. Съ ихъ помощью уже и теперь нѣкоторыя стачки и забастовки не удаются, какъ это было, напр., недавно во Франціи, гдѣ забастовавшіе почтовые чиновники съ успѣхомъ замѣнялись жандармами, полицейскими и солдатами.

Мы отмѣтили здѣсь недостатки и вредъ оппортунистской парламентской тактики западно-европейскихъ соціалистовъ въ связи съ измельчаніемъ ихъ конкретныхъ требованій и пресловутой вѣрой въ фатальный ходъ вещей. Революціонный соціализмъ, такъ или иначе, долженъ выбраться изъ этого тупика. Къ революціонной тактикѣ нужно пріучать рабочій классъ въ его борьбѣ,—не только, конечно, за повышеніе заработной платы на 5 или 10%, а борьбѣ за все достижимый maximum требованій. Пора переставать возлагать надежды на концентрацію капитала и на естественный ходъ вещей, пора развѣнчать и современный парламентаризмъ. Изъ этого, конечно, отнюдь не слѣдуетъ полнѣйшее отрицаніе парламентской дѣятельности; но необходимо постоянно помнить, что за парламентскими дѣятелями должны всегда стоять активныя массы, готовыя силою поддержать требованія своихъ представителей въ парламентахъ.

Эти массы не должны состоять только изъ одного пролетаріата, работающаго въ данный моментъ на заводахъ и фабрикахъ, къ дѣлу соціализма необходимо привлечь и революціонное трудовое крестьянство, а также—солдатъ. Западная соціадьдемократія, за небольшими исключеніями, никогда не вела серьезной пропаганды въ крестьянствѣ и въ войскахъ, отгораживаясь отъ нихъ китайской стѣною. Но за то буржуазія съ полнымъ успѣхомъ использовала ихъ и продолжаетъ при помощи офицерства и военной словесности набивать солдатскія головы буржуазными идеями. Не даромъ ради буржуа пролетарій-солдатъ разстрѣливаетъ своихъ же братьевъ пролетаріевъ, съ

которыми вчера работалъ и къ которымъ вернется чрезъ годъ или два. Таковы плоды и прочность борьбы только за мелкіе повседневные интересы, къ какимъ до сихъ поръ звала с.-демократія. Это измельчаніе пріемовъ и цѣлей борьбы сказывается всюду и приноситъ пролетаріату громаднѣйшій вредъ. Сегодня молодой пролетарій бастуетъ за повышеніе заработной платы, завтра берутъ его въ солдаты, увеличиваютъ порцію водки, улучшаютъ пищу—повседневный интересъ то же—и онъ покорно и охотно идетъ убивать тѣхъ, съ которыми полгода тому назадъ бастовалъ на фабрикѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что до тѣхъ поръ пока свои задачи соціальдемократія не расширитъ, пока не перемѣнитъ свою тактику, не обратитъ свое благосклонное вниманіе на крестьянство и войска, до тѣхъ поръ и пролетаріатъ на Западѣ не добьется никакихъ существенныхъ перемѣнъ и улучшеній.

Все сказанное выше относится къ Западу, съ его парламентскимъ строемъ, при которомъ и въ рамкахъ котораго борьба рабочаго класса за соціализмъ ведется тамъ ужъ не одинъ десятокъ лѣтъ. Всѣ недостатки парламентскаго механизма, умѣряющіе и усыпляющіе роль парламента въ современномъ соціалистическомъ движеніи,—все это не должно пройти безслѣдно на Западѣ, безъ реакціи со стороны революціоннаго соціализма. Но особое значеніе пріобрѣтаетъ эта исторія стараго Запада въ глазахъ соціалистовъ молодыхъ непарламентарныхъ сторонъ, только что вступившихъ или еще вступающихъ на путь парламентаризма. У насъ, въ Россіи, нѣтъ парламента,—у насъ не окончилась, только еще началась революція. Когда революціонная буря уляжется, тогда только и можно будетъ намъ говорить о правильно функціонирующемъ народномъ представительствѣ,—и тогда, нужно надѣяться, русскіе соціалисты, имѣя передъ собою поучительный примѣръ Запада, избѣгнутъ всѣхъ его ошибокъ, воспользуются его уроками. Но сейчасъ, въ періодъ революціи, до Учредительнаго Собранія, мы застрахованы, казалось бы, отъ всякаго вліянія западно-европейскаго

оппортунизма, отъ всякой возможности подмѣнять компромиссной фразеологіей тактику революціонера. Сейчасъ для спеціалистовъ та или другая „Дума“, созываемая правительствомъ, можетъ быть лишь однимъ изъ поводовъ и одной изъ возможностей проявить революціонное дѣйствіе, способствовать и содѣйствовать массовому выступленію. Ея роль сейчасъ—это роль трибуны, съ которой бы ко всей странѣ, отъ имени сознательной части трудового класса, разносились идеи революціоннаго соціализма. Ея роль—въ ликвидаціи при помощи активныхъ дѣйствій массъ всѣхъ гнусностей самодержавія и расчистка почвы для созыва Учредительнаго Собранія. Это, кажется, ясно. Ни о какой законодательной работѣ въ сотрудничествѣ съ буржуазіей, ни о какомъ увлеченіи западнымъ оппортунизмомъ и компромиссами—здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

И тѣмъ не менѣе, къ удивленію и стыду нашему, даже сейчасъ, въ революціонной Россіи находятся люди, именующіе себя соціалистами, готовые копировать тактику западныхъ парламентаріевъ и заранѣе приводящіе въ умиленіе буржуазныхъ кадетовъ. Это т. наз. „меньшевики“, правое крыло русской соціальдемократіи, которые кричатъ объ органической работѣ въ Думѣ и и намѣреваются совлечь революціонный пролетаріатъ на путь политическаго оппортунизма,—подобно тому, какъ и раньше русскіе соціальдемократы упорно задерживали размахъ пролетарской борьбы въ рамкахъ экономической постепеновщины. Противъ „политики“ этихъ оппортунистовъ и дипломатовъ, прикрывающихъ напыщенной фразеологіей свою антиреволюціонную подоплеку, должны энергично протестовать всѣ революціонеры и всѣ соціалисты, раскрывая глаза рабочему классу на его мнимыхъ друзей.

В. Панкратовъ.

Парижъ. 1906.

Блоки и соглашенія.

Предвыборная работа началась. Разогнавъ первую Думу, правительство радо бы никогда болѣе не повторять рискованныхъ опытовъ, не шутить шутокъ съ огнемъ. Но банкротство военно-полевого заплечнаго мастерства, тревожные признаки народнаго пробужденія, угрожающаго не только самодержавію, но и самой монархіи, и наконецъ недовѣріе заграничныхъ толстосуммовъ какъ къ полнотѣ власти гг. Столыпиныхъ, такъ и къ долговѣчности власти, надъ Столыпиными стоящей,—все это заставляетъ созвать вторую Думу. Надо помнить однако, что, рѣшая созвать вторую Думу, правительство далеко не рѣшаетъ пойти на уступки народнымъ требованіямъ. Напротивъ, оно собирается еще одинъ лишній разъ надуть и народъ и западно-европейскихъ банкировъ. „Государственная Дума будетъ такой, какой я захочу", говоритъ г. Столыпинъ, т.-е. послушной, покорной, черносотенной. Она должна утвердить новый заемъ, чтобы снова было откуда красть Гурко и компаніи, должна освятить погромную политику министерства и наконецъ во исполненіе вожделѣній истинно-русскихъ хулигановъ упразднить самое себя и возстановить въ полномъ видѣ самодержавіе.

Еслиже Дума окажется не черносотенной, а хотя сколько-либо выражающей волю народа, Столыпинъ теперь же обѣщается немедленно ее разогнать.

Таково положеніе. На основаніи его легко разобраться, должны ли соціалистическія и революціонныя партіи вообще и наша партія въ частности принять участіе въ выборахъ.

Почему въ прошломъ году мы отказались выбирать и бойкотировали Думу? Зовя къ бойкоту, мы разрушали вѣру народа въ возможность мирнаго разрѣшенія путемъ Думы народныхъ нуждъ, мы указывали, что самодержавіе никогда добровольно не откажется даже отъ малой доли своей власти, ни на шагъ не отступитъ отъ своей кровавой политики. Оно не подчинится народнымъ требованіямъ,

даже въ томъ умѣренномъ видѣ, въ какомъ могла ихъ выставить черезъ много ситъ процѣженная, да преимущественно отъ богатѣевъ и помѣщиковъ избранная Государственная Дума. Оно не подчинится и потому должно быть удалено.

Въ борьбѣ, настоящей борьбѣ, не той, что ведется съ Думской трибуны, не одними только криками министрамъ „вонъ", а въ борьбѣ, гдѣ насилію противоставляется сила, и только въ ней одной обрѣтетъ народъ свое право.

Такъ говорили мы въ прошломъ году и звали народъ къ бойкоту. То же говоримъ мы и теперь.

Но теперь намъ нечего опасаться самообольщенія народа относительно возможности мирнаго исхода, вѣры народа, что за него и безъ него все сдѣлаютъ думскіе депутаты. У него уже есть опытъ прошлогодней разогнанной Думы, онъ знаетъ уже, что откровенное обѣщаніе Столыпина не пустая угроза. Трудовой рабочій классъ, пролетаріатъ и трудовое крестьянство, не успокоятся на томъ, что пошлютъ депутатовъ съ наказомъ добыть землю и волю. Народъ уже самъ вооружается, и потому мы *можемъ* принять участіе въ выборахъ.

Это одно. Другое—слѣдующее. Наученное горькимъ опытомъ правительство прилагаетъ всѣ усилія, чтобы создать истинно-черносотенную Думу. Нагло и беззастѣнчиво попирая собственные законы, правительство продажными сенатскими разъясненіями устранило десятки тысячъ избирателей изъ крестьянъ и рабочихъ. При помощи „своей Думы" правительство хочетъ вызвать особенно за границей ложное впечатлѣніе, будто вся его политика крови, насилія, грабежа и голода согласна съ волей уставшаго отъ революціи народа; правительство хочетъ замаскировать состояніе открытой войны, которую оно ведетъ съ народомъ, хочетъ возбудить къ себѣ довѣріе и заключить новый заемъ, закабаливъ и запродавъ Россію на многіе десятки лѣтъ впередъ. Оно хочетъ превратить Думу въ орудіе реакціи, орудіе новаго порабощенія народа, мы должны вырвать изъ его рукъ это средство, разрушить его противонародные замыслы, и потому мы *должны* принять участіе въ выборахъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ въ лицѣ своего Совѣта постановила принять участіе въ избирательной борьбѣ. Теперь возникаетъ вопросъ, какъ вести ее. Желая созвать свою черносотенную Думу, самодержавіе установило нелѣпый и несправедливый избирательный законъ. Избиратели не прямо посылаютъ отъ себя депутатовъ въ Думу, а сначала выби-

рают уполномоченныхъ, тѣ выборщиковъ, и наконецъ послѣдніе депутатовъ. Крестьяне такимъ образомъ процѣживаются черезъ четыре сита, пока выберутъ депутата, рабочіе черезъ три и остальные избиратели черезъ два. Далѣе, огромная масса совершеннолѣтняго населенія, и прежде всего всѣ женщины, вовсе лишены права участія въ выборахъ. Наконецъ, избирательное право не равное. Такъ, напр., ничтожная горсть крупныхъ землевладѣльцевъ посылаетъ почти столько же выборщиковъ, сколько все многомилліонное крестьянство, и чуть что не въ 10 разъ больше, чѣмъ весь рабочій классъ. Уже отсюда ясно, что зачастую, и, вѣрнѣй, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, партіи революціонныя и соціалистическія, и даже просто враждебныя правительству—оппозиціонныя, не смогутъ каждая самостоятельно проводить своихъ кандидатовъ. Голоса, подаваемые за нихъ, расколются, и въ результатѣ можетъ пройти угодный правительству октябристъ или какой-либо другой истинно-русскій черносотенецъ. Если нельзя будетъ вести борьбу совершенно самостоятельно, то придется, значитъ, заключать временные союзы, договоры съ другими партіями. Съ какими же именно, о чемъ можно договариваться и на какихъ условіяхъ, таковы вопросы, подлежащіе разрѣшенію.

Чтобы мы могли легко на нихъ отвѣтить, надо уяснить себѣ, каково наше отношеніе къ Государственной Думѣ, какъ хотимъ мы ее использовать въ интересахъ нашей соціально-революціонной борьбы за землю и волю.

Того ублюдка—Государственную Думу, которой правительство надѣялось откупиться отъ народа, мы не можемъ счесть правильнымъ органомъ законодательной власти. Не весь народъ и не прямо посылаетъ своихъ депутатовъ въ Думу, не равнымъ избирательнымъ правомъ обладаетъ каждый гражданинъ, и Дума не отражаетъ поэтому истинной воли народа. Если бы законодательствовала такъ несправедливо избранная Дума, то и въ лучшемъ случаѣ крестьяне получили бы не всю землю, да и за ту землю, что получили бы, должны были бы возмѣстить помѣщикамъ по „справедливой оцѣнкѣ“, оставшись у нихъ попрежнему въ кабалѣ. Мы уже видѣли въ прошлогодней Думѣ, какъ усердно такъ называемая партія народной свободы, или кадеты, окарнала законопроектъ о свободѣ собраній, и мы ясно можемъ себѣ представить, во что превратились бы всѣ свободы, какого рода землю и волю дала бы намъ столь несправедливо избранная Дума. Поэтому мы не признаемъ за Думой права издавать законы, или, какъ говорятъ, заниматься ор-

ганической работой. Издать основные законы, положить конецъ самодержавію и переустроить всѣ современные порядки въ духѣ установленія свободнаго народнаго правленія, необходимыхъ личныхъ свободъ и защиты интересовъ труда, можетъ и должно только одно Учредительное Собраніе, свободно избранное всѣмъ народомъ на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Учредительное Собраніе будетъ обладать всей полнотой законодательной и исполнительной власти, никто, кто бы онъ ни былъ, не можетъ противодѣйствовать его рѣшеніямъ, ибо никто не смѣетъ итти противъ народной воли. Слѣдовательно первая и главная задача Государственной Думы—борьба за Учредительное Собраніе. Разумѣется, не къ самодержавному правительству должна обращаться Дума съ требованіемъ Учредильнаго Собранія. Это значило бы предложить ему добровольно отдать себя подъ судъ, да и можно ли было бы довѣрить ему такое дѣло: мы видѣли и видимъ, какъ проводитъ оно выборы даже въ Государственную Думу. Дума должна обращаться прямо и непосредственно къ народу, звать и организовывать его къ борьбѣ за Учредительное Собраніе.

Еще хотимъ мы использовать Государственную Думу—не для того, чтобы законодательствовать въ ней, на что она, избранная не всѣмъ народомъ, не имѣетъ права,—а для того, чтобы будить сознаніе народа, помочь ему разобраться, въ чемъ его нужды, какъ разрѣшить ихъ, и кто его враги; для того, чтобы знакомить его съ соціалистически-революціонной программой. Будемъ помнить, что въ программѣ нашей стоятъ такія требованія, какъ демократическая республика, всѣ свободы, цѣлый рядъ мѣръ для защиты рабочаго класса и требованіе, чтобы земля была обращена въ общенародное достояніе, чтобы пользоваться ею могъ только тотъ, кто на ней трудится—требованіе соціализаціи земли. Все это черезъ Думу мы должны нести въ народъ. Кадеты и министры, буржуазныя и черносотенныя газеты упрекали трудовую группу въ томъ, что они Думу превратили въ революціонный митингъ. Мы именно этого и хотимъ. Дума нужна народу, какъ мѣсто, откуда будутъ будить его сознаніе, учить его борьбѣ. Дума нужна, какъ революціонный набатъ, какъ трибуна революціоннаго народа.

Итакъ, мы знаемъ теперь, почему мы можемъ выбирать въ Думу, знаемъ, что мы должны выбирать, и что Дума нужна намъ, борющаяся за Учредительное Собраніе, Дума революціонно-агитаціонная.

Кромѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, изъ партій хотя бы только враждебныхъ правительству на арену избирательной борьбы

выступятъ еще трудовики, народные соціалисты, соціалъ-демократы, національныя соціалистическія и революціонныя партіи, различные профессіонально-политическіе союзы и т. н. партія народной свободы, или конституціоналисты-демократы (кадеты).

Можемъ ли мы вступать съ ними въ блоки и соглашенія?

Подъ блокомъ надо разумѣть такое плотное объединеніе, хотя бы и временное, со спеціальной цѣлью совмѣстной предвыборной компаніи, блокирующихъ партій, при которомъ партіи чувствуютъ себя въ данной дѣятельности какъ бы единымъ цѣлымъ, различія между ними при совмѣстномъ осуществленіи поставленной задачи какъ бы исчезаютъ, всѣ партіи приравниваются другъ къ другу, и кандидаты одной такимъ образомъ могутъ замѣщать кандидатовъ другой. Эта относительная равноцѣнность всѣхъ блокирующихъ партій въ глазахъ каждой изъ нихъ для выполненія данной конкретной задачи блока составляетъ отличительную черту послѣдняго. Предположимъ такой случай. Въ какомъ-либо городѣ мы своими силами не можемъ провести собственнаго кандидата, и отдаемъ свои голоса соціалъ-демократу, не выговаривая даже себѣ за это поддержки соціалъ-демократовъ въ другомъ городѣ, а просто въ силу того, что соціалъ-демократъ представляется намъ болѣе желательнымъ, чѣмъ, напр., кадетъ. Это будетъ однимъ изъ проявленій блока, такъ какъ здѣсь устанавливается для насъ относительная равноцѣнность соціалъ-демократическаго кандидата нашему по сравненію съ кадетомъ при невозможности нашей кандидатуры.

При предвыборномъ блокѣ возможны далѣе общіе избирательные комитеты: партіи для даннаго дѣла (избирательной кампаніи) соединяются какъ бы во едино, солидарно подчиняясь руководящимъ указаніямъ общаго комитета. При болѣе тѣсномъ блокѣ и вся предвыборная агитація можетъ вестись сообща. Въ такомъ случаѣ она ведется на общей избирательной платформѣ, спеціально устанавливаемой блокирующими партіями. Платформа должна заключать въ себѣ совокупность тѣхъ требованій, которыя признаются безусловно необходимыми для того, чтобы блокъ могъ состояться. Партіи, не раздѣляющія этихъ необходимыхъ требованій, въ блокъ не могутъ быть включены. Выставляя общій списокъ кандидатовъ, блокирующія партіи агитируютъ за нихъ, какъ за представителей защищаемой платформы, противопоставляя ихъ, какъ цѣлое, кандидатамъ другихъ партій. Отдѣльныя блокирующія партіи при этой агитаціи не могутъ обѣщать, что стоящіе въ спискѣ кандидаты будутъ отстаивать всю партійную программу, так., напр., соціалисты-революю-

ціонеры при блокѣ съ соціалъ-демократами не могли бы агитировать на почвѣ программнаго требованія соціализаціи земли. И далѣе: ведя общую агитацію, партіи не указывали бы своимъ избирателямъ, что голосовать за весь списокъ надо просто для того, чтобы голоса не разбились, и т. о. можно было бы провести опредѣленное количество, скажемъ, соціалистовъ-революціонеровъ, а, напротивъ, звали бы голосовать за всѣхъ безъ различія кандидатовъ, какъ за представителей данной платформы. Могутъ спросить, какъ же допустимо, чтобы партіи отказались отъ своихъ индивидуальныхъ партійныхъ отличій, отъ своей партійной физіономіи и согласились на мѣсто партійной программы подставить общую съ другими партіями платформу. Отвѣтъ на это вытекаетъ изъ существа блока, цѣли, ради которой онъ заключается. Блокъ имѣетъ въ виду не просто дѣловое соглашеніе ради проведенія оговореннаго числа кандидатовъ своей партіи, а необходимость отстоять тѣ требованія, которыя каждой изъ блокирующихъ партій признаются особо важными и существенными при данномъ положеніи вещей. Предположимъ, напр., что монархическія партіи во Франціи замыслили совершить государственный переворотъ, уничтожить республику и возстановить монархію. Тогда для всѣхъ республиканскихъ партій, соціалистовъ, радикаловъ и т. д. особо важнымъ было бы разрушить монархическіе планы, ихъ объединило бы общее стремленіе провести въ парламентъ возможно большее количество республиканцевъ, и составился бы обще-республиканскій блокъ. Кличъ его былъ бы: республика въ опасности, и платформа-республика. Другой примѣръ. Станемъ на точку зрѣнія враждебныхъ правительству, оппозиціонныхъ партій, которыя думаютъ заняться органической работой, т.-е. собираются законодательствовать въ Думѣ. Для нихъ существенно важнымъ является провести опредѣленные законы: всеобщую амнистію, всѣ свободы, отвѣтственное министерство и другіе. Такія партіи могли бы заключить блокъ, и избирательной платформой для нихъ послужилъ бы, допустимъ, отвѣтъ прошлой Государственной Думы на тронную рѣчь.

Иное дѣло соглашенія. Они имѣютъ чисто дѣловой характеръ. Предположимъ, что въ какомъ-либо избирательномъ участкѣ 700 избирателей должны избрать 10 выборщиковъ. Предположимъ далѣе, что въ массѣ избирателей сторонники различныхъ партій представлены слѣдующимъ образомъ: 200 соціалистовъ-революціонеровъ, 200 соціалъ-демократовъ, 200 кадетовъ и 100 правыхъ, начиная отъ мирнообновленцевъ съ октябристами и кончая истинно-русски-

ми. Если между партіями никакого соглашенія не произойдетъ, то въ лучшемъ случаѣ выборщики распредѣлятся приблизительно поровну между с.-р., с.-д. и к.-д. Но скорѣй всего правыя партіи, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, предпочтутъ кадета соціалисту и отдадутъ свои голоса кадетамъ. Въ этомъ случаѣ, если между соціалистическими партіями не произойдетъ соглашенія, голоса ихъ расколются и пройдутъ исключительно кадеты. Для соціалистическихъ партій, т. о., имѣетъ прямой смыслъ заключить соглашеніе и составить общій списокъ выборщиковъ, пропорціонально своимъ силамъ, изъ 5 с.-р. и 5 с.-д. Въ ихъ распоряженіи окажется 400 голосовъ, свыше половины, и слѣдовательно соціалистическій списокъ пройдетъ полностью. Возьмемъ еще одинъ случай. Сто шестьдесятъ выборщиковъ г. Москвы посылаютъ въ Думу четырехъ депутатовъ. Если бы въ ихъ числѣ примѣрно было 25 соціалистовъ-революціонеровъ, 25 соціалъ-демократовъ, 15 трудовиковъ, народныхъ-соціалистовъ и представителей всероссійскаго крестьянскаго союза, 25 кадетовъ и остальные 70 различныхъ объединившихся правыхъ, то для того, чтобы не прошли правые, всѣ остальныя партіи, вплоть до кадетовъ, должны заключить межъ собой дѣловое соглашеніе. Они распредѣляютъ 4 депутатскихъ мѣста слѣдующимъ образомъ: 2 соціалъ-революціонера, предполагая, что 15 трудовикамъ и проч. гораздо желательнѣе кандидатура с.-р., чѣмъ с.-д. или к.-д., и что каждая изъ этихъ группъ слишкомъ слаба для того, чтобы претендовать на право собственной кандидатуры,—1 соціалъ-демократъ и 1 кадетъ. При состоявшемся соглашеніи всѣ 4 депутата будутъ имѣть за себя 90 выборщиковъ изъ 160, и потому избраны будутъ именно они. Напротивъ, если бы соглашеніе на этой окончательной стадіи выборовъ не состоялось вовсе или къ нему не были бы пріобщены кадеты, то правый блокъ, имѣя 70 голосовъ, болѣе, чѣмъ какая-либо изъ противостоящихъ ему группъ, всѣхъ четырехъ депутатовъ провелъ бы своихъ.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ ясно видно, что соглашеніе, въ противоположность блоку, всецѣло основано на простомъ ариѳметическомъ разсчетѣ. Это избирательная сдѣлка, равно выгодная для всѣхъ соглашающихся сторонъ, такъ какъ каждая изъ нихъ своими обособленными, изолированными силами не могла бы провести своихъ кандидатовъ. При соглашеніяхъ и рѣчи нѣтъ объ относительной равноцѣнности кандидатовъ различныхъ соглашающихся партій, какъ это мы видѣли прежде при блокахъ; напротивъ, тутъ все поставлено, фигурально выражаясь, на коммерче-

скую ногу: каждая партія стремится отстоять за собой право на наибольшее количество мѣстъ въ спискѣ соотвѣтственно своимъ силамъ Предположимъ, что въ какомъ-либо избирательномъ собраніи имѣется небольшое число с.-р., затѣмъ кадеты и истинно-русскіе; предположимъ далѣе, что блокъ съ кадетами нами принципіально отвергается, соглашеніе же съ ними не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ, по слабости силъ, своего кандидата мы выдвинуть не можемъ. Въ этомъ случаѣ мы, ведя все время самостоятельную предвыборную агитацію, на послѣдней стадіи совершенно устраняемся и борьбу между кадетами и истинно-русскими предоставляемъ свободному исходу. Мотивы такого образа дѣйствій слѣдующіе: такъ какъ блокъ съ кадетами нами по тѣмъ или инымъ соображеніямъ отвергается, то кадетъ и истинно-русскій для насъ стоятъ на одной доскѣ, ибо даже въ противовѣсъ истинно-русскому кадетъ не имѣетъ относительной равноцѣнности съ нашимъ кандидатомъ и не можетъ его замѣнить. Точно такъ же при соглашеніяхъ не можетъ быть рѣчи ни объ общихъ избирательныхъ комитетахъ, ни о совмѣстной предвыборной агитаціи. Вся агитація ведется партіями совершенно самостоятельно и всецѣло на основѣ партійной программы. Междупартійная борьба при этомъ нисколько не ослабѣваетъ, такъ какъ каждая изъ соглашающихся партій стремится увеличить свои силы и пополнить свои ряды, чтобы этимъ пріобрѣсть право на большее количество мѣстъ въ спискѣ для своихъ кандидатовъ. Наконецъ, если какая-либо партія, напр. партія соціалъ-революціонеровъ, приглашаетъ своихъ избирателей голосовать за общій списокъ, въ которомъ имѣются и соціалъ-демократы, то этотъ призывъ въ своихъ воззваніяхъ она обосновываетъ не тѣмъ, что въ спискѣ имѣются соціалъ-демократы и другіе, раздѣляющіе такую-то и такую-то платформу, а исключительно и единственно тѣмъ, что только, голосуя сообща за весь списокъ, можно провести опредѣленное количество соціалъ-революціонеровъ. Изъ чисто дѣлового характера соглашенія еще отнюдь однако не слѣдуетъ допустимость соглашеній съ какими бы то ни было партіями. Само собой разумѣется, что соглашаться мы можемъ только съ тѣмъ, кто не является нашимъ прямымъ и непосредственнымъ врагомъ. Вотъ почему при рѣшеніи вопроса о соглашеніяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуется проанализировать соціально-политическую физіономію соотвѣтственной партіи.

Какъ было уже выше указано, изъ партій враждебныхъ правительству, кромѣ партіи соціалъ-революціонеровъ, на арену из-

бирательной борьбы выступаютъ еще трудовики, народные соціалисты, соціалъ-демократы, національныя соціалистическія и революціонныя партіи, всероссійскій крестьянскій союзъ и другіе политическіе и профессіональные союзы, и наконецъ—конституціоналисты-демократы. Что касается партіи мирнаго обновленія, то она носитъ еще на себѣ слишкомъ явные слѣды своего недавняго происхожденія отъ союза 17-го октября для того, чтобы не быть отнесенной къ числу правыхъ партій, и потому о ней говорить не приходится.

Среди національныхъ соціалистическихъ партій имѣются такія, которыя всецѣло принимаютъ нашу программу и являются, строго говоря, лишь отдѣльными отрядами нашей партіи, работающими среди опредѣленной національности. Таковы, напр., фракція армянскихъ дрошакистовъ, грузинскихъ федералистовъ или латышскій соціалъ-демократическій союзъ. Съ такими партіями мы дѣйствуемъ сообща, и съ ними, естественно, мыслимъ и допустимъ блокъ. Но и только съ ними. Замѣтимъ себѣ хотя бы одно, слѣдующее: изъ всѣхъ вышеперечисленныхъ партій только одна наша выставляетъ требованіе, чтобы земля была обращена въ общенародное достояніе безъ выкупа, и чтобы пользованіе землей было уравнительно-трудовымъ, т.-е. чтобы „обезпечивало потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ“. Народные соціалисты тоже стоятъ за уравнительно-трудовое землепользованіе, но они допускаютъ выкупъ. Трудовики и всероссійскій крестьянскій союзъ въ значительной мѣрѣ колеблются между ними и народными соціалистами. Кромѣ того, хотя они и требуютъ Учредительнаго Собранія, но, что весьма важно, ихъ отношеніе къ революціоннымъ методамъ борьбы, а слѣдовательно и къ тому революціонному выступленію, которое падетъ на Думу въ борьбѣ за Учредительное Собраніе, въ лучшемъ случаѣ не опредѣлено. Послѣднее должно сказать и о соціалъ-демократахъ-меньшевикахъ. Вообще же относительно соціалъ-демократовъ приходится особо подчеркнуть, что, хотя они и за конфискацію земли безъ выкупа, на зато категорически противъ уравнительно-трудового землепользованія. Болѣе того: ихъ обѣщаніе конфискаціи земли для расширенія крестьянскаго землепользованія весьма двусмысленно. Такъ, напр., г. Маслова озабочиваетъ только передача частновладѣльческихъ земель во владѣніе самоуправляющихся областныхъ организацій, а защита въ послѣднихъ интересовъ трудового крестьянства отнюдь не должна трогать соціалъ-демократію, и потому г. Масловъ вопросъ о формахъ пользованія землей считаетъ преждевременнымъ.

Точно такъ же г. Ленинъ считаетъ необходимымъ оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ. Соціалъ-демократы оставляютъ себѣ руки не связанными и иногда даже проговариваются, что не будутъ поддерживать трудовое крестьянство. Лозунгъ „земля и воля“ звучитъ поэтому въ ихъ устахъ исключительно фальшиво. Послѣ всего сказаннаго ясно, что ни съ одной изъ этихъ организацій, ни тѣмъ болѣе съ чисто-буржуазной партіей народной свободы блоки недопустимы. Вѣдь въ Думу мы идемъ не для того, чтобы провести въ ней опредѣленные законы, — это могло бы служить оправданіемъ блока,—но для того, чтобы использовать ея революціонно-агитаціонное значеніе. А разъ такъ, то съ точки зрѣнія революціонной агитаціи какой-либо соціалъ-демократъ, выставляющій завѣдомо фальшивые лозунги, или народный соціалистъ, въ своей агитаціи допускающій выкупъ земли, никоимъ образомъ даже относительно приравненъ нашему кандидату быть не можетъ.

Что касается соглашеній, то въ силу своего исключительнаго дѣлового характера они, конечно, допустимы съ соціалистическими и революціонными организаціями. Иначе, однако, обстоитъ дѣло съ конституціонно-демократической партіей народной свободы. Передъ выборами въ первую Думу кадеты всюду громогласно возвѣщали, что они не признаютъ за ней права законодательствовать, что они идутъ въ нее для бойкота изнутри, т.-е. за тѣмъ, чтобы чрезъ нее потребовать Учредительн. Собраніе. Но затѣмъ кадеты не остановились передъ измѣной и обѣими руками ухватились за органическую работу. Партія народной свободы есть партія буржуазная и партія нереволюціонная. Считая Думу органомъ законодательной власти, Думу въ томъ видѣ, въ какомъ ее преподнесло правительство, и въ тотъ революціонный періодъ, который мы въ настоящее время переживаемъ, конституціонно-демократическая партія тѣмъ самымъ бережно поддерживаетъ не только корону, но косвенно и весь современный порядокъ или, по крайней мѣрѣ, значительную часть его наслѣдія, слѣдовательно защищаетъ то, противъ чего мы боремся. Вступать съ ней въ соглашеніе значило бы затушевывать наши противорѣчія, затемнять сознаніе организуемыхъ нами массъ, значило бы бросать палки подъ колеса дѣлу нашей революціонной агитаціи. Тѣмъ не менѣе мы не должны к.-д. партію отождествлять съ правыми партіями, какъ торгово-промышленная, союза 17-го октября, или истинно-русскихъ хулигановъ. Будучи партіей прогрессивной буржуазіи, кадеты заинтересованы въ уничтоженіи всѣхъ пережитковъ феодализма, въ установленіи всѣхъ свободъ и право-

вого строя. „Бережно поддерживать корону“ они скорѣй всего лишь по дипломатическимъ соображеніямъ, да за отсутствіемъ большой храбрости, въ глубинѣ же души и тиши кабинетовъ они проявляютъ несомнѣнную, правда платоническую склонность къ просвѣщенной буржуазной республикѣ. Партія к.-д., такимъ образомъ, враждебна современному самодержавному строю, и, если вслѣдствіе ея чрезмѣрной умѣренности и аккуратности получаются подчасъ нежелательные результаты, то это не по ея доброй волѣ. Въ виду такого оппозиціоннаго характера конституціонно-демократической партіи, въ виду того, что прямая и непосредственная борьба сосредоточена сейчасъ почти исключительно на ниспроверженіи самодержавія, у насъ могутъ быть нѣкоторыя общія точки соприкосновенія съ указанной партіей и нѣкоторыя общія задачи даннаго момента. И потому, если прежде мы установили недопустимость соглашеній съ кадетами, то теперь мы должны оговориться, что въ иныхъ случаяхъ, какъ во второмъ изъ ранѣе приведенныхъ примѣровъ соглашенія, придется взвѣсить всѣ положительныя и отрицательныя стороны послѣдняго, и можетъ оказаться, что первыя возьмутъ верхъ. Особенно возможно это въ городскихъ куріяхъ большихъ городовъ, гдѣ бо́льшая политическая зрѣлость трудового населенія позволитъ ему легко уяснить себѣ чисто дѣловой характеръ соглашенія и устранить т. о. рискъ затемненія его самосознанія. Во всякомъ случаѣ при такихъ соглашеніяхъ требуется огромная осмотрительность, и потому цѣлесообразно рѣшеніе Совѣта партіи, ставящее ихъ, какъ отклоненія отъ общихъ директивъ, подъ контроль Центральнаго Комитета.

Въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ крайне важно еще то обстоятельство, на какой стадіи выборовъ происходятъ соглашенія. Менѣе всего желательны они на первыхъ стадіяхъ, болѣе всего допустимы на послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что на первыхъ стадіяхъ мы имѣемъ предъ собой непартійныя массы избирателей; путемъ избирательной агитаціи мы проводимъ идеи партіи въ населеніе и пополняемъ партійные кадры. Здѣсь больше всего опасность смѣшенія насъ съ другими партіями, и мы должны выступать, во всеоружіи нашей программы, со всею яркостью и опредѣленностью подчеркивая свою партійную физіономію. Напротивъ, на послѣднихъ стадіяхъ соглашенія происходятъ уже между выборщиками, выдвинутыми партіями, слѣдовательно людьми уже партійными, и врядъ ли приходится опасаться затемненія ихъ самосознанія.

Еще одно надо отмѣтить, говоря о соглашеніяхъ: въ рабочей и крестьянской куріи они нежелательны даже и съ соціалистическими или революціонными партіями. Опасность правыхъ кандидатуръ въ большинствѣ случаевъ будетъ здѣсь незначительна, и вмѣстѣ съ этимъ отпадаетъ единственное основаніе соглашеній—невозможность провести самостоятельно своихъ кандидатовъ вслѣдствіе дробленія голосовъ. Борьба будетъ итти почти исключительно между крайними партіями, и въ этихъ куріяхъ намъ особенно важно будетъ, ведя борьбу съ нашими идейными сосѣдями, пропагандировать нашу программу во всей ея полнотѣ и чистотѣ.

Итакъ, кадеты по общему правилу, особенно на первыхъ стадіяхъ выборовъ, изъ соглашеній исключаются. Кого мы должны предпочесть изъ соціалистическихъ и революціонныхъ группъ въ случаѣ, если нельзя составить общаго соглашенія? Допустимъ, что соціалъ-демократы предлагаютъ вступить въ соглашеніе съ нами, но противъ также предлагающихъ соглашеніе трудовиковъ, народныхъ соціалистовъ, всероссійскаго крестьянскаго союза и желѣзнодорожниковъ. Чѣмъ будемъ мы руководиться при выборѣ союзниковъ? Съ точки зрѣнія установленныхъ положеній вопросъ ясенъ. Такъ какъ блокъ нами принципіально отвергается, такъ какъ слѣдовательно ни соціалъ-демократъ, ни народный соціалистъ даже относительной равноцѣнностью нашему кандидату не обладаетъ, то тѣмъ самымъ они приравниваются другъ другу. Что соціалъ-демократъ, возстающій противъ уравнительно-трудового землепользованія, что народный соціалистъ, допускающій выкупъ земли и умалчивающій о республикѣ,—для насъ все едино. Въ своихъ агитаціонныхъ воззваніяхъ мы будемъ разоблачать программу и тѣхъ и другихъ и указывать на исключительно дѣловой характеръ соглашенія. При выборѣ союзниковъ изъ соціалистическихъ и революціонныхъ партій мы должны такимъ образомъ руководиться только дѣловыми соображеніями, стремленіемъ возможно болѣе избѣгнуть опасности раскола голосовъ. Если, слѣдовательно, соціалъ-демократы, предлагая намъ соглашеніе, будутъ упорствовать противъ трудовиковъ и др., и въ то же время у послѣднихъ будетъ болѣе голосовъ, то предпочесть мы должны будемъ послѣднихъ.

Резюмируемъ:

Блоки допустимы только съ такими соціалистически-революціонными національными партіями, которыя всецѣло принимаютъ нашу программу, и больше ни съ кѣмъ.

Соглашенія возможны съ соціалистическими и революціонными

организаціями. Съ конституціоналистами-демократами они могутъ быть заключаемы на первыхъ стадіяхъ лишь въ исключительныхъ, санкціонируемыхъ центральнымъ комитетомъ, случаяхъ, болѣе же допустимы на послѣднихъ стадіяхъ выборовъ. Въ рабочей и крестьянской куріяхъ соглашенія нежелательны даже съ соціалистическими и революціонными партіями. Цѣль соглашеній—составленіе общихъ списковъ, соглашенія на именахъ. Организаціи должны, учитывая свои силы и сферу своего вліянія, отстаивать свое право на соотвѣтственное число мѣстъ. Будучи слабы въ одномъ избирательномъ участкѣ или въ какомъ-либо городѣ, мы соглашаемся поддерживать другія партіи лишь при условіи поддержки насъ въ другомъ участкѣ или другомъ городѣ. Гдѣ это невозможно, мы, ведя все время самостоятельную предвыборную агитацію, въ послѣднихъ стадіяхъ устраняемся, никому не оказывая поддержки и предоставляя борьбу другихъ партій ея свободному исходу. Характеръ соглашенія дѣловой: мы стремимся избѣгнуть дробленія голосовъ.

Предвыборную агитацію мы ведемъ все время совершенно самостоятельно на основѣ партійной программы, опредѣленно подчеркивая въ избирательныхъ воззваніяхъ, что голосовать за общій списокъ призываемъ только во избѣжаніе дробленія голосовъ, такъ лишь при этомъ условіи возможно прохожденіе нашихъ кандидатовъ.

Общій руководящій принципъ: стремленіе использовать избирательную кампанію и самое Государственную Думу въ интересахъ борьбы за Учредительное Собраніе, борьбы за революціонный соціализмъ, за идеи нашей партіи.

Декабрь 1906 г.

М. Якобій.

Крестьянство и земство.

„Не платить налоговъ, не платить податей, ни копѣйки преступному правительству“ — вотъ рѣшеніе, которое ровно годъ тому назадъ вынесъ делегатскій съѣздъ всероссійскаго крестьянскаго союза. Еще раньше этого революціонныя партіи, а недавно,—послѣ разгона Государственной Думы,—и бывшіе депутаты ея—также призывали весь трудовой народъ отказываться отъ какой-либо поддержки правительству. И крестьянину, и городскому рабочему, всему трудовому люду былъ понятенъ такой призывъ. Поддерживать,—и денежными средствами, и силами,—слѣдуетъ только такое правительство, которому можно довѣрять, которое заботится о народномъ благѣ, которое само является народнымъ. Всѣ ясно сознавали, что нельзя, никакая совѣсть не позволитъ давать деньги на содержаніе такихъ лиходѣевъ, какъ Дурново, Столыпинъ, Павловъ и имъ подобные. Нельзя тратить трудовую, добытую потомъ и кровью, копѣйку на содержаніе огромной арміи башибузуковъ,—казаковъ, стражниковъ, тайной и явной полиціи, военныхъ и военно-полевыхъ судовъ, всякихъ прислужниковъ самодержавнаго правительства, рѣшившихся не останавливаться ни передъ какими злодѣйствами, ни передъ чѣмъ, лишь бы спасти себя, сохранить тотъ порядокъ, при которомъ имъ такъ легко обкрадывать родину. Но правительству оставаться безъ денегъ нельзя; въ нихъ вѣдь, да въ солдатскихъ штыкахъ—вся его сила. Деньги необходимы прежде всего на уплату процентовъ по займамъ, которые оно, помимо воли народа, успѣло совершить, деньги нужны для того, чтобы легче ему было боротъ-

ся съ народомъ, томить его въ тюрьмахъ, на каторгѣ, на поселеніи, разстрѣливать, вѣшать. Вѣдь и тюремщикъ требуетъ жалованья, вѣдь палачи повысили до 300 руб. плату за каждаго повѣшеннаго (а вѣшаютъ теперь много), вѣдь и министры получаютъ теперь кромѣ жалованья такія субсидіи, что на нихъ не одну голодную волость цѣлый годъ прокормить можно... Деньги до зарѣзу нужны, и поэтому-то царское правительство такъ настойчиво, путемъ всякихъ экзекуцій и карательныхъ нашествій, требовало уплаты всякихъ государственныхъ повинностей. А народъ пока еще не имѣлъ возможности противопоставить силѣ силу и вынужденъ былъ, хоть и скрѣпя сердце, отдавать свои гроши на преступное дѣло. И шли, и идутъ эти гроши въ карманы лиходѣевъ, идутъ они, сопровождаемые проклятіемъ измученнаго народа. „Пропади ты пропадомъ“,—не разъ кричала русская деревня по адресу своихъ палачей и усмирителей.

Не вѣрилъ и не вѣритъ народъ правительству и, если ему трудно было выразить въ чемъ-либо существенномъ такое недовѣріе, то это было много легче сдѣлать по отношенію къ земству, которое давно уже стало „прислуживаться“ передъ всякаго рода „начальствомъ“. Когда-то земство было хоть отчасти народнымъ, когда-то, хоть и не вездѣ и не всегда, оно старалось принести трудовому крестьянству посильную помощь, когда-то оно стремилось къ тому, чтобы нѣсколько поодаль стоять отъ администраціи, всегда тормазившей всякія благія для народа начинанія. Было время, когда земство открыто враждовало съ правительствомъ и не разъ давало ему отпоръ въ тѣхъ случаяхъ, когда самодержавные слуги ужъ очень нахально залѣзали въ дѣла, хозяевами которыхъ они не должны были быть. Было время, когда земства устраивали союзы для болѣе успѣшной борьбы съ правительствомъ, когда они дорожили всѣми интеллигентными тружениками, которые вкладывали живую душу въ земское дѣло. И тогда народъ, внося свои повинности на это дѣло, былъ увѣренъ, что хоть часть ихъ пойдетъ на истинно-народныя нужды.

Не очень спокойно, конечно, относились наши министры и начальники къ „братанію“ стараго земства съ народомъ, въ особенности не нравилось имъ, что въ земскую работу „влѣзли“ всякіе интеллигентные пришельцы, вносившіе въ деревню „крамолу“. Царскому правительству никогда не хотѣлось,—да и не въ его это выгодахъ было,—чтобы въ народную темноту вносилось побольше свѣта и знаній, а земскіе учителя, агрономы, врачи, всѣ эти такъ называемые „разночинцы“ часто съ полнымъ самозабвеніемъ шли въ земство, въ народъ, чтобы отдать ему свои силы и знанія. И крестьянство волей неволей „дружило“ съ земствомъ, потому что въ сѣрой жизни русской деревни, затернутой густымъ пологомъ россійскаго безправія, хоть мало-мальски отраднымъ явленіемъ была именно эта работа „разночинцевъ“, кропотливая, но честная работа.

Такое положеніе дѣлъ не нравилось правительству, и этимъ только можно объяснить, что, когда русскій народъ, отвернувшись отъ новаго „услужливаго“ земства, пересталъ ему платить повинности,—мѣстное начальство не сразу набросилось за это на населеніе съ нагайками: сначала оно, по старой привычкѣ косо поглядывая на земство, какъ бы не замѣчало такого отношенія къ нему народа, попрежнему ревностно заботилось лишь о государственныхъ податяхъ, и только впослѣдствіи, когда усмотрѣло и въ неплатежѣ земскихъ взносовъ „крамолу“, отдало особо строгій указъ о неукоснительномъ, безъ всякихъ послабленій, выколачиваніи всѣхъ причитающихся съ населенія взносовъ. Но какъ бы то ни было, наступилъ моментъ, когда крестьянство перестало платить земству,—оно перестало вѣрить и ему такъ же, какъ и чиновному правительству.

Почему такъ случилось? Почему крестьянство перестало вѣрить земству?

Какъ-то на одномъ земскомъ собраніи въ прошломъ году, вскорѣ послѣ октябрьскихъ событій, нѣкоего откровеннаго земскаго начальника спросили, почему правительство, а за нимъ и дворяне такъ „окрыси-

лись“ на всѣхъ, кто поддерживалъ требованія народа, почему ихъ, дворянъ, при словахъ „свобода, воля“ такъ передергивало... Земскій начальникъ отвѣтилъ, что, конечно, сами по себѣ свободы, будь ихъ хоть не семь, а двадцать семь, мало бы значили, но бѣда въ томъ, что за этими требованіями свободъ, воли, послѣдуютъ и слѣдуютъ болѣе непріятныя требованія— земли...

Въ этомъ отвѣтѣ откровеннаго земскаго начальника очень ярко обрисована вся „политика“ нашего земства. Послѣднее, конечно, никогда не было чисто народнымъ; оно всегда было болѣе или менѣе барскимъ. Смотря по тому, какъ складывались силы деревни, мѣнялось положеніе и въ земствѣ: было тамъ больше барскаго хозяйничанья или меньше. Но такъ какъ земство все-таки всегда было „около мужика“, да и на его средства главнымъ образомъ оно и содержалось, то ему, призванному по закону „пещись о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ“, всегда надлежало такъ или иначе заботиться объ этихъ нуждахъ. Кромѣ того, земскіе люди были, какъ бы то ни было,—людьми деревни, и всякія горести ея не могли не быть имъ замѣтны. Тамъ, въ Петербургѣ, департаментскіе чиновники, рѣшавшіе всякіе „мужицкіе“ вопросы въ роскошныхъ кабинетахъ, были очень далеки отъ этой деревни, да и стонъ ея до ихъ ушей не доносился. Земцамъ же дворянамъ, жившимъ всегда „мужикомъ“, необходимо было волей-неволей удовлетворять хоть кое-какія его требованія, нужно было давать разныя „льготы“, нужно было не только на словахъ но и на дѣлѣ, хоть въ небольшихъ доляхъ, улучшать сельскую жизнь. А тутъ еще и разные вольно-наемные земскіе служащіе, работавшіе уже не за страхъ, а за совѣсть, подгоняли работу... Приходилось поэтому очень часто земскимъ хозяевамъ дѣлать многое то, что не нравилось петербургскимъ правителямъ, приходилось съ ними ссориться... Приходилось открывать школы, больницы, лѣчить скотъ, разводить травосѣяніе, толковать о переселеніяхъ.

Но требованія деревни росли и росли. Какъ ни суживали народное сознаніе, какъ ни старались власти

изгнать изъ деревни все, что вносило туда истинный свѣтъ,—трудовое крестьянство все крѣпче и крѣпче сознавало свои „права“. Оно, голодное, избитое, обокраденное ненасытными правителями, все болѣе и болѣе рѣшительно заявляло требованія—не только объѣдковъ со стола пировавшихъ господъ, а кое-чего болѣе существеннаго,—всей земли, всей воли... Когда ему говорили о переселеніяхъ, то оно уже отвѣчало, что ему переселяться не нужно, что около него, рядомъ, есть земля, на которой можно работать, что бѣда только въ томъ, что эта земля не по праву принадлежитъ бѣлоручкамъ — князьямъ да помѣщикамъ.

Народъ пересталъ уже быть просителемъ, просьбы котораго можно было уважить или не уважить, онъ началъ требовать. А когда на его требованія отвѣчали кулаками и нагайками, онъ, гдѣ позволяли силы, примѣнялъ болѣе рѣшительныя мѣры.

И положеніе дѣлъ круто измѣнилось. Если раньше земство хоть „для близиру“ было съ народомъ, то теперь оно очутилось противъ него. Земскіе баре отбросили въ сторону всякій стыдъ, перестали играть комедію въ свободолюбіе, порвали всякій союзъ съ „разночинцами“, трудомъ которыхъ и держалось земство, и объявили открытую войну крестьянству. Со „свободами“, если онѣ еще были кургузыми, можно было кое-какъ мириться, но съ домогательствами земли согласиться было невозможно. Сословное—дворянское и купеческое—земство почуяло, гдѣ слѣдуетъ искать ему союзниковъ, и бросилось въ объятія правительства, у котораго оставались еще покорные защитники, зачумленные присягою и строгой дисциплиной...

Еще при созданіи земства, въ то время, когда чиновные верхи государства, вынужденные пойти хоть на небольшія уступки народу, строили основы мѣстнаго самоуправленія, все было предусмотрѣно для того, чтобы въ этомъ самоуправленіи не былъ хозяиномъ крестьянинъ.

А въ новомъ, исправленномъ въ 1890 году земствѣ для мужика оставили уже совсѣмъ небольшой уголокъ:

не было его оттуда ни видно, ни слышно. Правительству необходимо было опираться на служилое земельное дворянство и купечество, поэтому и въ мѣстномъ самоуправленіи ему важно было оставить власть за ними; эта власть крѣпко охранялась не только земскими „положеніями“, но и всей политикою барскаго правительства.

Земство и правительство такимъ образомъ заключили союзъ, и между ними и русскимъ народомъ очутилась огромная пропасть... Если крестьянство не довѣряетъ правительству, то, само собою понятно, оно должно было убѣдиться, что нельзя ему поддерживать и новое, иногда совсѣмъ полицейское земство.

Въ Верхнеднѣпровскомъ земствѣ, Екатеринославской губерніи, на послѣднемъ земскомъ собраніи рядомъ обсуждалось два вопроса: первый—о передачѣ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе земства, второй—объ ассигнованіи на полицейскую охрану уѣзда 65.000 руб. Конечно, для крестьянскаго населенія было очень важно, чтобы прекратили свою дѣятельность церковно-приходскія школы, существовавшія и существующія только для того, чтобы попамъ, находящимся въ услуженіи полицейскаго правительства, было легче одурманивать народъ. Эти школы ему никакихъ знаній до сего времени не дали и вся ихъ „служба“ народу заключалась лишь въ одномъ: вести борьбу съ земскими школами, съ земскими учителями. Крестьяне по достоинству оцѣнили поповскую „учебу“ и сотни разъ обращались въ земство съ ходатайствами избавить ихъ отъ услугъ церковно-приходскихъ школъ.. Въ прежнія времена и сами земскія управы открещивались отъ этихъ услугъ, справедливо памятуя, что темному народу въ удовлетвореніи его духовныхъ нуждъ можетъ помочь только такой учитель, такой наставникъ, который не находится въ зависимости ни отъ синода, ни отъ его вѣчныхъ друзей—земскихъ начальниковъ, полицейскихъ и т. п.; имъ могъ быть опять-таки тотъ же самый „интеллигентъ-разночинецъ“, такъ не любимый сельской администраціей,— земскій учитель, прежде всѣхъ заботъ почитавшій

заботу о трудящемся людѣ. Старое земство насаждало свою грамоту, посылало въ деревню своихъ учителей. Но теперь—не то. Теперь Верхнеднѣпровское земское собраніе порѣшило, что ему неудобно брать въ свое завѣдываніе церковно-приходскія школы, да и денегъ для этого у него не имѣется. Если же имѣются деньги, если онѣ могутъ быть выколочены изъ народа, то ихъ слѣдуетъ употребить на болѣе благое дѣло—на содержаніе полиціи. Поэтому собраніе безъ зазрѣнія совѣсти ассигновало на полицейскую охрану уѣзда 65.000 руб.

Такимъ образомъ, каждый крестьянинъ въ этомъ уѣздѣ, вносящій теперь земскія повинности, отлично знаетъ, что часть его трудовыхъ денегъ пойдетъ ему же во вредъ,—на борьбу, которую съ нимъ ведетъ правительство... Крестьянство встаетъ на защиту своихъ правъ, оно требуетъ того, безъ чего ему жить нельзя, оно требуетъ смѣщенія черносотеннаго правительства, оно требуетъ новыхъ порядковъ жизни, оно задыхается подъ игомъ кровожадныхъ палачей, полновластно царствующихъ теперь въ деревняхъ, и вотъ на содержаніе этихъ-то палачей земство расходуетъ народныя деньги.

Примѣръ Верхнеднѣпровскаго земства мы привели здѣсь не потому, конечно, чтобы онъ въ настоящее время былъ исключительнымъ. Сообщеніе о такомъ рѣшеніи земскаго собранія мы взяли изъ массы подобныхъ же сообщеній, которыми заполнены теперь газеты. И изъ Аткарска, напр., Саратовской губерніи, телеграфировали, что „въ земскую кассу сборовъ не поступаетъ. На скорую уплату жалованья земскимъ служащимъ надежды нѣтъ. Поступающіе небольшіе взносы тратятся на содержаніе полиціи“...

Въ массахъ земствъ, въ большинствѣ губерній, происходитъ то же самое; народная копеечка ужъ не тратится теперь на земскія школы и больницы—ихъ земскія управы постепенно закрываютъ, а врачей и учителей правительство услужливо разсаживаетъ по тюрьмамъ или разсылаетъ по разнымъ „болѣе отдаленнымъ мѣстамъ. Крестьянская копеечка попадаетъ теперь въ карманы

озвѣрѣвшихъ поработителей народа и ихъ сподручныхъ.

И на Волгѣ, и въ Малороссіи, и въ центральныхъ, и въ южныхъ губерніяхъ, всюду мы видимъ, что земства *стали откровенными слугами* — не народа, а самодержавнаго правительства. У казны не хватаетъ средствъ на борьбу съ возставшимъ народомъ, — вѣдь всякіе займы быстро расходуются на уплату процентовъ по займамъ же и стотысячныхъ жалованій и „способленій“ теперешнимъ и прежнимъ министрамъ (да не только имъ, но и ихъ женамъ, семьямъ). Вотъ и приходится казнѣ обращаться за пополненіемъ своихъ средствъ къ земскимъ учрежденіямъ, благо они стали послушными. Достаточно приказать имъ взять на свой „коштъ“ столько-то сотенъ казаковъ, такую-то армію полицейскихъ стражниковъ, чтобы все это было исполнено.

Кромѣ того, чтобы легче было приводить въ исполненіе въ деревнѣ всѣ „предначертанія“ правительства и дабы тамъ не встрѣчать никакихъ препятствій со стороны всякихъ „крамольниковъ“, могущихъ всегда разъяснить крестьянамъ истинное положеніе дѣлъ,— земства, и сами по себѣ, и по приказанію администраціи, разгоняютъ всѣхъ болѣе или менѣе „непокорныхъ“ служащихъ; если же на нѣкоторыя должности трудно бываетъ добыть завѣдомо черносотенныхъ служащихъ, то земскія управы считаютъ за лучшее прямо закрывать цѣлые отдѣлы.

Вотъ почему приходится теперь отовсюду слышать и читать, что цѣлые уѣзды, по тѣмъ или инымъ причинамъ, остаются безъ врачей, акушерокъ, учителей, что кассы земскихъ управъ пустуютъ, что крестьяне, если и вносятъ повинности, то только послѣ карательныхъ по деревнямъ походовъ...

Земство „очищается“, — оно быстро освобождается отъ гласныхъ и служащихъ, вредныхъ для дворянскаго благополучія. Во всей, напримѣръ, Бессарабіи по всѣмъ уѣздамъ въ земскіе гласные пришли лишь друзья нынѣшняго правительства, въ одномъ только Оргѣевскомъ уѣздѣ какимъ-то чудомъ проскользнуло нѣсколько лицъ, способныхъ хоть иногда постоять за народные

интересы,—но и тамъ губернскимъ присутствіемъ выборы отмѣнены... Да и у каждаго честнаго земца естественно возникаетъ вопросъ, возможно ли вступать ему въ клику правительственныхъ слугъ, возможно ли при существующихъ порядкахъ сдѣлать хоть что-либо существенное на пользу народа, возможно ли спокойно и послѣдовательно работать, когда губернаторы открыто призываютъ предсѣдателей земскихъ управъ напречь всѣ силы на то... чтобы содѣйствовать администраціи въ борьбѣ съ крамолой *). Въ нынѣшнемъ земствѣ высоко подняли головы такіе черносотенные патріоты, какъ извѣстный дворянинъ Павловъ, князь Щербатовъ и др., силящіеся доказать, что крестьяне не платятъ земскихъ повинностей только потому, что въ деревнѣ ведется революціонная пропаганда, что не будь де этой пропаганды, темный народъ на вѣки вѣчные остался бы покорной овечкой.

Но темный народъ—былъ. Въ настоящее время онъ „уразумѣлъ“ и, не вѣря земству, видя въ немъ чисто барское учрежденіе, не хочетъ давать ему средствъ. Онъ не признаетъ его, какъ не хочетъ признавать и царскаго правительства. Крестьянство хочетъ само дѣлать свое, дорогое ему, общественное дѣло, оно хочетъ само быть устроителемъ своихъ судебъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько сообщеній, характеризующихъ отношеніе современнаго крестьянства къ земству.

Въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., на собраніи для выбора земскихъ гласныхъ нѣсколько довѣренныхъ отъ волостей объявили, что на всѣ земскія собранія будутъ являться по одному выборному отъ каждой волости. Когда имъ объяснили, что этого нельзя, то они заявили, что не признаютъ ни выборовъ, ни гласныхъ, ни состава управы.

Въ Полтавской губерніи Никольская волость отказалась отъ платежа мірскихъ и земскихъ сборовъ, ссылаясь на то, „что земство заботится лишь о помѣщикахъ и что сборы разложены только на крестьянъ“.

Многіе крестьяне Московской губерніи, не принадлежащіе къ составу земскихъ гласныхъ, рѣшили по-

*) Сообщеніе изъ Кишинева.

ближе ознакомиться съ тѣмъ, что творятъ теперешніе земцы, и выразили желаніе знакомиться съ докладами, представляемыми въ земскія собранія управами. Объ этомъ своемъ желаніи они заявили губернатору при объѣздѣ имъ губерніи.

Въ Бѣлозерское уѣздное земское собраніе (Новгородской губ.) очередной сессіи нынѣшняго года отъ гласныхъ крестьянъ поступило заявленіе: 1) „Мы, гласные крестьяне, утвержденные г. губернаторомъ отъ 23-хъ волостей—отъ всей массы населенія уѣзда, въ числѣ восьми человѣкъ и то по указанію администраціи, въ дѣлахъ земства не играемъ никакой активной дѣятельности, всѣ дѣла земства вершатся большинствомъ гг. гласныхъ, представителей отъ дворянъ и купцовъ, а потому мы признаемъ дальнѣйшее наше существованіе въ земствѣ излишнимъ, хотя весьма было бы желательно наше участіе въ земскомъ дѣлѣ, пользу котораго неселенію мы признаемъ громадной“ и 2) „мы, крестьяне, не согласны съ постановленіемъ собранія, что неплатежъ земскихъ сборовъ произошелъ вслѣдствіе агитаціи учителей среди населенія, такъ какъ, по нашему мнѣнію, неплатежъ вызванъ недовѣріемъ населенія къ нынѣшнему земству, состоящему изъ крупныхъ собственниковъ, и общимъ движеніемъ всего населенія Россіи“.

Эти немногія сообщенія, взятыя нами, повторяемъ, изъ массы подобныхъ, достаточно ярко рисуютъ положеніе дѣлъ въ земской Россіи.

Но что же будетъ дальше?

Этотъ вопросъ рѣшитъ само крестьянство и рѣшитъ его одновременно съ рѣшеніемъ своего главнаго, коренного вопроса—о переустройствѣ всего государственнаго строя.

Изъ многихъ губерній пишутъ, что сельскіе сходы соглашаются на избраніе своихъ уполномоченныхъ лишь при условіи, если это избраніе не будетъ подлежать ничьему утвержденію; крестьянскіе уполномоченные и гласные получаютъ наказы на всѣхъ собраніяхъ и во всѣхъ коммиссіяхъ заявлять, что теперь мѣстныя дѣла должны уже рѣшаться самой деревней; у этой обни-

щалой, но еще бодрой деревни, найдутся и силы, и средства, чтобы „править“ свое — родное ей и чужое барамъ—крестьянское дѣло.

И сельскій батракъ, и пахарь-общинникъ, и фабричный рабочій, какъ бы скованные одною цѣпью горя и труда, наученные долгимъ и тяжелымъ опытомъ борьбы за лучшее будущее, уже перестали вѣрить въ то, что это лучшее будущее возможно достигнуть мольбами и просьбами. Очень долго просили и ничего не получили. „Права народа никѣмъ не даются, ихъ можно только взять“,—вотъ что говорилъ и говоритъ теперь трудовой людъ. Онъ сознаетъ уже, что то истинное самоуправленіе, которое ему необходимо, которое можетъ направить на лучшую дорогу все народное хозяйство, нельзя получить путемъ ходатайствъ передъ земскими собраніями, министрами и сенатомъ. Правильное земское управленіе можно устроить только самимъ, только силами трудящихся.

Борясь за свое освобожденіе, борясь за право, деревня знаетъ, что цѣлью этой борьбы должны быть такіе порядки, при которыхъ вся власть на мѣстахъ будетъ принадлежать самому же трудящемуся народу. Деревня—малая часть государства; и здѣсь и тамъ—должно быть истинное народовластіе. Не Столыпины и Гурко, при посредствѣ жульническихъ фирмъ, должны кормить голодающую деревню, не земскіе баре, при содѣйствіи предводителей дворянства, казаковъ и стражниковъ, будутъ заботиться о деревнѣ, не полицейскимъ въ рясѣ будетъ оставлено великое дѣло народнаго просвѣщенія,—за все за это возьмется самъ народъ, создавъ настоящее самоуправленіе, на основахъ такого представительства, которое будетъ вполнѣ выражать волю мѣстнаго населенія.

Недалеко то время, когда самая главная задача русской революціи будетъ достигнута: земля будетъ наконецъ отнята отъ теперешнихъ ея собственниковъ, неправильно владѣющихъ ею по законамъ, писаннымъ ими же самими, ихъ заступниками. Наступитъ раскрѣпощеніе земли и одновременно съ тѣмъ—освобожденіе крестьянства отъ политическаго рабства. Хозяиномъ

земли долженъ быть весь трудовой народъ, онъ же будетъ облеченъ всѣми правами: надъ нимъ не будетъ ни земскихъ, ни какихъ-либо другихъ начальниковъ, исполнителями его воли будутъ дѣйствительно „довѣренные“ люди, дѣйствительные его „полномочные“.

Въ будущемъ нашемъ государственномъ устройствѣ много дѣла, много заботъ должно быть предоставлено мѣстнымъ самоуправленіямъ, дѣятельность которыхъ будетъ охватывать небольшіе районы. И въ новыхъ земельныхъ и политическихъ порядкахъ вершителями всѣхъ дѣлъ на мѣстахъ, въ селахъ и деревняхъ будутъ эти мѣстныя самоуправленія,—не нынѣшнія волостныя правленія и уѣздныя земства, съ ихъ барами и чиновниками, а новыя, дѣйствительно „общественныя“ управленія, сотрудниками которыхъ будутъ лица, выбранныя всѣми жителями округи.

Все это приходится еще создавать, отвоевывать, все это приходится строить тамъ, гдѣ пока еще владычествуютъ носители самаго ужаснаго произвола.

Лучшія формы народной жизни начертаны, но еще не достигнуты. На пути къ этимъ формамъ имѣется не мало преградъ, заботливо разставленныхъ врагами народнаго счастья. Но борцы за это счастье знаютъ, что, не снеся преградъ, не разрушивъ старыхъ, гнилыхъ устоевъ ненавистнаго странѣ строя, нельзя будетъ подойти къ новому строительству.

Въ ближайшіе дни, когда, какъ слѣдуетъ ожидать, борьба между старой и новой Россіей должна разгораться все сильнѣе и сильнѣе, трудовой народъ не забудетъ ничего изъ кровавой исторіи своей многострадальной деревни. Онъ не забудетъ тѣхъ, кто ради спасенія самодержавія рѣшался и рѣшается на всевозможныя преступленія передъ родиной, кто, путемъ обмановъ и насилій, стремится ввергнуть возставшую деревню въ пучину безправія и гнета, еще невиданныхъ свѣтомъ. Народъ не забудетъ ихъ, этихъ озвѣрѣлыхъ хозяевъ страны, хозяевъ, которымъ давно уже должно быть указано ихъ настоящее мѣсто. Народъ теперь, въ эти дни, не забудетъ, что его права только тогда никѣмъ не будутъ нарушаться, когда хозяиномъ новой Россіи будетъ самъ онъ, и только онъ...

І. Брамовъ.

Спекуляція на чужихъ ранахъ.

(Замѣтка).

Въ жизни людей, выступающихъ на арену общественной борьбы, бываютъ моменты и факты, которые необходимо дѣлаются и должны дѣлаться достояніемъ самой широкой гласности. Этого иногда повелительно требуютъ интересы самой борьбы, интересы той правды, за которую погибаютъ борцы; и вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто, особенно по нынѣшнимъ временамъ, это бываютъ факты, воспроизведеніе которыхъ въ печати затрагиваетъ самыя больныя струны человѣческой природы, выставляя на показъ страданія и мученія борцовъ въ застѣнкахъ самодержавія... Переживать вновь эти истязанія, видѣть фотографію своихъ язвъ и терзаній— иногда не менѣе тягостно и мучительно, чѣмъ испытывать все это въ дѣйствительности. Да и вообще прижизненное изображеніе человѣка, особенно его прославленіе, хотя и за дѣйствительно высокій подвигъ, всегда будетъ непріятно для всякой чуткой натуры. Поэтому публицисту, касающемуся темъ о мукахъ нашихъ борцовъ, надо имѣть много такта, много писательской деликатности, чтобы, въ погонѣ за силою впечатлѣнія, не переступить границъ необходимой реальности, не вдаться въ излишнія подробности, не зарыться въ нихъ и тѣмъ не причинить новыхъ страданій тѣмъ, кто и безъ того пережилъ слишкомъ много для человѣка. Въ такихъ случаяхъ иногда достаточно только назвать правду, нѣтъ надобности во что бы то ни стало фотографически воспроизводить ее во всѣхъ, подчасъ омерзительныхъ, подробностяхъ. Мы не

говоримъ о сокрытіи правды. Но, одно дѣло—человѣческій документъ, протокольный отчетъ о случившемся—русскій читатель долженъ знать всю правду, какова бы она ни была—и совсѣмъ другое—фельетонное ея воспроизведеніе въ натуралистическомъ жанрѣ. А между тѣмъ такого рода произведенія все чаще и чаще начинаютъ проявляться на фонѣ ужасовъ русской революціи. Мало того, выдающіеся случаи дикаго издѣвательства надъ борцами революціи не только даютъ темы для фельетона, но въ этихъ фельетонахъ фантазія фельетониста припутываетъ къ ужасамъ дѣйствительности новыя мелодраматическія, бьющія на пошлый эффектъ подробности, подхваченныя изъ слуховъ, непровѣренныхъ, сплошь и рядомъ граничащихъ со сплетней, иногда прямо злостнаго характера.

Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ литература о нашемъ товарищѣ М. А. Спиридоновой. Когда мы получили ея первое письмо изъ тюрьмы—письмо, дышавшее всѣмъ ужасомъ дѣйствительности, мы сочли своимъ общественнымъ долгомъ предать его самой широкой огласкѣ. По нашему мнѣнію, этотъ человѣческій документъ, безъ всякихъ комментаріевъ, говоритъ читателю больше, чѣмъ томы разсужденій о гнусности произвола и насилія, лучше всякихъ прокламацій зоветъ на борьбу съ режимомъ, воплощающимся въ Луженовскихъ, Абрамовыхъ, Ждановыхъ и прочихъ человѣкообразныхъ существахъ. Личныя чувства наши должны были смолкнуть и, какъ ни тяжело было выставлять наружу страданія и язвы товарища, мы это сдѣлали... и сдѣлали, какъ оказалось, не напрасно. Дѣло М. А. Спиридоновой не прошло безгласно,—оно прозвучало, какъ громкая пощечина самовластью. Имя нашего товарища сдѣлалось символомъ страдающей Россіи, символомъ борьбы до конца.

Но благодаря тому, что имя М. А. оказалось въ фокусѣ общественнаго вниманія, къ этому имени стали присасываться и тѣ, кто изъ популярности М. А. хотѣлъ извлечь кое-что существенное и для себя. О дѣлѣ М. А. появился рядъ изданій, и многія изъ нихъ оказались издѣліями никольскаго рынка. Съ сожалѣніемъ

мы должны констатировать, что кромѣ книжки С. М—ина (Дѣло Спиридоновой. Изд. Нар. Бес. Ц. 15 к.) нельзя указать ни одного изданія, которое мы могли бы рекомендовать читателю, ручаясь за точность передачи фактовъ, а главное—за правильность ихъ освѣщенія. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на изданіяхъ чисто рыночнаго свойства. Лубокъ остается лубкомъ, и никого не введетъ въ заблужденіе... Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда встрѣчаемся съ именемъ, такъ или иначе зарекомендовавшимъ себя въ литературѣ: къ такимъ произведеніямъ читатель относится съ извѣстнымъ довѣріемъ, и оставлять безъ вниманія ихъ нельзя. Именно поэтому мы должны остановиться на книжкѣ В. Владимірова „Марія Спиридонова", съ предисловіемъ отъ Всероссійскаго Союза равноправія женщинъ. (Москва 1905, ц. 1 руб.).

Мы охотно признаемъ за г. Владиміровымъ качества смѣлаго, если хотите, самоотверженнаго корреспондента, оказавшаго своими сообщеніями о карательныхъ экспедиціяхъ серьезную услугу русскому движенію. Но именно то значеніе, какое пріобрѣли корреспонденціи г. Владимірова, налагало на него обязанность относиться къ собираемымъ свѣдѣніямъ съ особой осторожностью. Въ дѣлѣ же М. А. къ этому присоединялась еще необходимость считаться съ живою личностью нашего товарища. Къ сожалѣнію, г. Владиміровъ оказался далеко не на высотѣ своей задачи.

Прежде всего, его книга отличается отсутствіемъ того чувства мѣры, какое необходимо для такого рода произведеній. Уже самая обложка рѣжетъ глазъ мелодраматичностью рисунка. Строгій образъ М. А. не нуждается въ такихъ бьющихъ на эффектъ декораціяхъ... Оставимъ, однако, это — здѣсь превзойдено только чувство мѣры; намъ могутъ даже сказать, что о вкусахъ не спорятъ. Но въ самомъ содержаніи книги есть мѣста, грѣшащія уже прямо противъ объективной правды и основанныя, очевидно, на подхваченныхъ съ лету слухахъ, не провѣренныхъ разговорахъ обывателей и т. п. источникахъ.

Мы считаемъ необходимымъ указать нѣкоторыя не-

точности, пользуясь для этого дошедшими до насъ указаніями самой М. А.

Товарищи тщательно прятали отъ М. А. книжку г. Владимірова, но въ концѣ концовъ она все-таки попала къ ней на глаза. Вотъ что писала намъ М. А. о впечатлѣніи, какое произвела на нее эта ея „біографія“:

„Вамъ покажется немного страннымъ и черезчуръ „личнымъ“ мое волненіе, но я сильно волновалась и волнуюсь теперь при мысли объ этой книгѣ. Можно умѣть совершенно отдѣлить себя, какъ Марусю, читая правду о М. А., но трудно сохранять спокойствіе, читая безобразную ложь, клевету на революціонера или посягательство на то, на что нельзя посягать. Стр. 35—наглая ложь, за исключеніемъ первыхъ двухъ строчекъ [1]). Конецъ 64 и начало 65 стр.—вѣдь было же наоборотъ, а про прокурора просто придумано [2]).

Еще болѣе возмутило М. А. письмо г. Владимірова къ французамъ (стр. 129—132 книги). Дѣйствительно, тутъ фантазія г. Владимірова разыгралась во всю, и онъ описываетъ ожиданія М. А. казни въ такихъ мелодраматическихъ краскахъ и съ такими выдуманными подробностями, которыя заставляютъ М. А. сказать:

„Стр. 131—это chef d'oeuvre для умиленія жалостливыхъ французскихъ сердецъ, но это же и такая непростительная клевета на насъ, какая дѣйствуетъ хуже пощечины, и такая невозможная вещь не только для революціонера, прошедшаго черезъ извѣстныя обстоятельства, но и просто для самаго маленькаго обывателя“...

---

[1]) Дѣло идетъ о вопросѣ М. А. врачу: „Скажите, пожалуйста, какіе бываютъ признаки у человѣка, когда его заражаютъ сифилисомъ?“ За этими двумя строчками у г. Владимірова идетъ длинный разговоръ М. А. съ врачемъ на темы объ изнасилованіи съ соотвѣтствующими комментаріями и догадками г. Владимірова.

[2]) „*Сначала* она высказывала желаніе, чтобы послѣ суда скорѣе подали апелляціонную жалобу, а *потомъ* рѣшила, что было бы еще лучше, если бы совершенно не подавали апелляціон. жалобы...“ „Прокурору она сказала, что передъ тѣмъ, какъ ее будутъ вѣшать, передъ смертью она о чемъ-то его попроситъ“.

М. А. вообще смотритъ на себя, какъ на человѣка, имѣющаго опредѣленныя убѣжденія и дѣйствовавшаго согласно съ ними, не считая возможнымъ ни при какихъ обстоятельствахъ отказываться отъ логическихъ изъ нихъ выводовъ. Констатировать это—значитъ произвести полную оцѣнку личности и дѣла М. А. Ни въ какихъ раскрашиваніяхъ, а тѣмъ болѣе подкрашиваніяхъ ни она, ни ея дѣло не нуждаются.

Но злоупотребленія именемъ М. А. не ограничились разнаго рода спеціальными изданіями... Предпріимчивые Тряпичкины не остановились и предъ прямымъ подлогомъ, лишь бы доставить сенсаціонный матеріалъ для печати. За послѣдніе полгода въ газетахъ, преимущественно въ „Руси“ и замѣнявшихъ ее „XX вѣкѣ“ и „Окѣ“, появился рядъ сообщеній и даже письма за подписью М. А. съ дороги на каторгу. Всѣ эти извѣстія отличались какими-то, совершенно несвойственными М. А., мелодраматично-ходульнымъ тономъ и крайне наивнымъ содержаніемъ. Знавшіе М. А. ни минуты не сомнѣвались въ подложности и фальшивости этой „литературы“,—тѣмъ болѣе, что подлинныя письма М. А. дышали обычной бодростью духа и трезвостью пониманія своего положенія: они были писаны въ чисто товарищескомъ тонѣ и отнюдь не предназначались для печати, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ.

Извѣстія о появленіи подложныхъ писемъ доходили до М. А. и, конечно, сильно волновали ее; она не разъ просила насъ опровергнуть ихъ въ печати.

Мы дѣлали попытки помѣстить въ газетахъ соотвѣтственныя заявленія, но они либо не принимались вовсе, либо появлялись въ такомъ видѣ, что оставались почти незамѣченными. Такъ, напр., редакція московскаго „Пути“ отказалась помѣстить мотивированное „письмо въ редакцію“ и согласилась лишь на помѣщеніе краткой замѣтки въ хроникѣ. Теперь (въ октябрѣ) М. А. снова пишетъ намъ:

„Часто получаю тревожныя письма отъ товарищей, спрашиваютъ, что со мной, почему не пишу,

почему такія обо мнѣ странныя корреспонденціи. Какъ-то уже писала Вамъ объ этомъ, напишу еще, чтобы окончательно развязаться со всѣмъ этимъ ненавистнымъ налетомъ пошлости и болтовни, который окружилъ мое имя. Всѣ корреспонденціи за моей подписью за эти 4—5 мѣсяцевъ—подложны. Въ № 55 „Товарища“ есть объявленіе о журналѣ „Читатель“, гдѣ помѣщено якобы мое произведеніе „Сонъ въ тюрьмѣ“. Это сочиненіе тоже подложно“.

Кому понадобились эти подлоги? Кто рѣшился вводить русскій народъ въ заблужденіе относительно лучшихъ его представителей? Мы полагаемъ, что чувство элементарной порядочности должно побудить редакціи газетъ, оглашавшихъ подобные „документы“, выяснить этотъ вопросъ и, огласивъ во всеобщее свѣдѣніе имена фальсификаторовъ, снять съ себя несомнѣнно позорящее пятно.

Это ихъ прямая обязанность передъ русскимъ читателемъ. Это единственный путь, хоть сколько-нибудь смягчить ту боль, какую онѣ причинили и безъ того перенесшимъ слишкомъ много борцамъ.

Ст. Нечетный.



Продажа во всѣхъ лучшихъ

кн. магазинахъ.